

КИРИЛЛ ШЕЛЕСТОВ

УКРОТИТЕЛЬ КРОЛИКОВ. Новая редакция

Марку Галеснику, другу моей юности.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

* * *

Я не люблю человечество. Особенно по понедельникам. По понедельникам его несовершенство бросается в глаза. И не только потому, что оно слишком много выпивает накануне.

Ситуация долго усугублялась тем, что в начале каждой недели мой шеф, Владимир Храповицкий, собирал всех директоров своей стремительно разраставшейся нефтяной империи и подвергал их обидной порке, именуемой во внутренних протоколах расширенным производственным совещанием.

Сценарий вкратце выглядел так. Сначала каждый из директоров делал доклад, в котором с несколько натужным энтузиазмом повествовал о выдающихся успехах вверенного ему подразделения. Храповицкий обычно слушал сочувственно и что-то рисовал в своем блокноте. Возможно, виселицы. Постепенно картина наших свершений становилась столь грандиозной, что даже мне, которому дух коллективизма чужд, как бедуину - первомайская демонстрация, хотелось грянуть гимн в составе Краснознаменного хора. И тут шеф брал слово.

Его речь обычно делилась на две части. В первой он оценивал общую ситуацию в подвластном ему мире как крайне неудовлетворительную и непрерывно ухудшающуюся. Эта часть была неизменной, так что я каждый раз невольно поражался про себя: каким чудом, мы, вместо того, чтобы дружно идти по миру с протянутой рукой, в слезах и горе, становимся все богаче, носим модные костюмы и беспечно раскатываем на «мерседесах», отгороженные от простых смертных тонированными стеклами и внушительной охраной? Впрочем, ответ был ясен: исключительно благодаря усилиям нашего замечательного, выдающегося, непревзойденного.... Понятно, кого.

Во второй части Храповицкий переходил к характеристикам присутствующих. Излишне говорить, что характеристики были не из тех, что с радостью заносятся в послужной список. Зато здесь возможны были

импровизации на тему, чем именно занимались подчиненные Храповицкого до того, как он осыпал их своими милостями. И вновь мне оставалось лишь изумляться доброте и терпению шефа, набравшего себе команду из бесталанных проходимцев и все еще ее не разогнавшего. Хотя даже уличные вороны на нашем месте принесли бы больше пользы и меньше вреда, поскольку вороны просто сидят на деревьях и каркают, тогда как мы проматываем его, Храповицкого, деньги, заработанные его, Храповицкого, непосильным трудом. Мы проводим свои незаслуженные отпуска на роскошных курортах по всему миру, объедаемся в лучших ресторанах и вступаем в интимные отношения с самыми дорогими ... словом, совсем не с теми, с кем подобает. А ведь мы могли бы!... А ведь должны бы! ...

В заключение народ униженно благодарил вождя за справедливую и доброжелательную критику, признавал свои ошибки и обещал не щадить себя на благо всеми любимого руководителя, а также в целях личного обогащения. Все это занимало в общей сложности от двух с половиной до трех часов, в зависимости от приливов начальственного вдохновения. И хотя за два года работы мне еще не приходилось быть объектом экзекуции, каждый раз мое сердце заранее ныло. Я не мучил кошек в детстве; в отличие от большинства людей, чужие страдания не приносят мне облегчения.

Владимиру Храповицкому недавно исполнилось тридцать семь лет. Он был русским по отцу, евреем по матери, завоевателем по духу и деспотом по природе.

* * *

Совещание обычно назначалось на десять. Но на моей памяти оно ни разу не началось вовремя. Поэтому из своего кабинета я вышел в четверть одиннадцатого и отправился в крыло шефа, стараясь выглядеть бодро и жизнерадостно.

Весь длинный коридор в его крыле, где я отказывался размещаться, дабы не очутиться в опасной близости от его карающей длани, был заполнен толпой начальников, чьи угрюмые лица контрастировали с жизнеутверждающим желтым цветом обоев на стенах. В дни истязаний им полагалось собираться заранее и в парадном облачении: темные костюмы и галстуки. В преддверии своей скорбной участи они томились, вздыхали и, разбившись на группки, негромко переговаривались.

Когда я входил в огромную приемную, кто-то спрашивал секретаршу Лену заискивающим шепотом:

— Ну, что там слышно?

Лена, надменная, худосочная девица лет двадцати шести, в огромных роговых очках, с капризным ртом и пышными светлыми волосами, отвечала с привычным раздражением:

—Сказала же: он занят! Ждите. Лучше не дергайте, а то будет как в прошлый раз.

В прошлый раз директоров продержали в коридоре больше часа, после чего Лена злорадно объявила им, что совещание отменяется.

Между прочим, весь тот час мы с Храповицким вдвоем смотрели в его кабинете кассету с записью выездного матча нашей уральской баскетбольной команды, которую он спонсировал. Матч проходил в Петербурге, мы не смогли на нем присутствовать; питерцы обошлись с нашими ребятами немилосердно. Хотя наш позор был уже показан по телевидению и растиражирован спортивными изданиями, просмотр так расстроил шефа, что он решил обойтись без совещания, дабы кого-нибудь ненароком не уволить. Не то чтобы он совсем не уважал своих директоров, просто он считал, что за те деньги, что они у него воруют (я обычно выражался более деликатно и говорил «получают», хотя суть от этого, конечно же, не менялась), они могут и потерпеть. Директора, собственно, терпели.

В стенах фирмы вообще было не принято роптать, поскольку даже уборщицы знали о спрятанных по всему коридору «жучках» и о том, что каждое неосторожное слово записывается отделом безопасности, а потом доводится до сведения Храповицкого.

О подобной мере позаботился один из двух его партнеров, Виктор Крапивин. Виктор был помешан на подслушивании и подглядывании. Не удивлюсь, если в школе он торчал у двери в раздевалку для девочек перед уроками физкультуры. Он установил микрофоны в квартирах всех своих жен и любовниц и уговаривал нас сделать то же самое. Храповицкий, кажется, внял. Я отказался. Зачем? Во-первых, в детстве меня учили, что подслушивать некрасиво. А во-вторых, всякий раз, когда я нарушал это правило, я убеждался в том, что ничего хорошего я о себе все равно не услышу. А плохое про себя я и так знаю. К тому же я все равно хуже, чем обо мне думают. Seriously.

* * *

Итак, я прошел по коридору и сочувственно пожал руки угнетаемому директорскому сословию. Все они называли меня по имени-отчеству, Андреем Дмитриевичем, что свидетельствовало не столько о моей компетентности в вопросах нефтепереработки, сколько о моей близости к начальственному телу.

В приемной я ласково кивнул Лене и открыл дверь кабинета Храповицкого. Краем глаза я успел заметить, как Лену перекосило. Мне даже показалось, что ее очки съехали набок. Без доклада и стука в кабинет шефа дозволялось входить лишь двум его партнерам. Я не был его партнером, я был всего лишь его заместителем по связям с общественностью, но при попустительстве Храповицкого я узурпировал эту привилегию, чего Лена не могла мне

простить. Вероятно, она считала это попранием своих сакральных прав.

Иногда я подумывал о том, чтобы затащить ее в постель, дабы посмотреть, снимает ли она свои очки, оставшись голой, и сохраняет ли свой недовольный тон в процессе любовных утех. Мне случается спать с секретаршами, в этом отношении я не страдаю сословными предрассудками; другое дело, что подобное самоуправство вероятно стоило бы мне должности. Храповицкий не спал с Леной, ему и без нее было с кем спать, но как законченный собственник он не терпел посягательств на свое имущество.

Потому, отчасти, меня и удручала перспектива быть застреленным или взорванным нашими конкурентами. Окажись мы потом с Храповицким вместе на том свете, и он будет есть меня поедом всю оставшуюся вечность за то, что я позволил им так поступить со мной без его, Храповицкого, разрешения.

* * *

У Храповицкого сидел Вася, Василий Шишкин, еще один его партнер, который три года назад был начальником департамента по имуществу в областной администрации. Именно он помог Храповицкому повернуть главную сделку их жизни, но об этом - позже.

Храповицкий был высоким, поджарым с крупными чертами лица, ироничными умными черными глазами, густыми бровями, горбатым носом и широким чувственным ртом. Свои непослушные вьющиеся черные волосы он стриг коротко. Прическа открывала уши, маленькие, острые и прижатые, как у хищника.

Одевался он так, что его вполне можно было принять за рок-звезду. Экстравагантные костюмы от Версаче невообразимых расцветок, прозрачные кружевные рубашки и шелковые шейные платки. Его появления на публике, несомненно, добавляли колорита в скучные будни городских обывателей и в нашем тусклом Уральске о его феерических нарядах ходили легенды.

Обстановка в его кабинете была под стать его манере одеваться. Стены, выкрашенные в холодный ярко-синий цвет, с желтыми косыми линиями, упирались в пол, выложенный плитам из серого камня с серебряными разводами. Красные пластиковые кресла, мало приспособленные для того, чтобы на них сидели, и стеклянные столы, на которые невозможно было поставить чашку кофе, чтобы не оставить разводов, удачно дополняли интерьер.

Кабинет оформляла одна из подруг Храповицкого, не имевшая художественного образования, но считавшая себя выдающимся дизайнером. Ее вкусом он искренне восхищался. Шелковые рубашки в золотых узорах и пиджаки из анаконды по 25 тысяч долларов за штуку выбирала ему она. Она и сама выглядела незабываемо, - странно, если бы не выглядела, с учетом того

бюджета, который уходил на ее туалеты.

Что до меня, то через полчаса пребывания в этом помещении я испытывал приступы острой головной боли и желания признаться во всем, чего я, может, и не совершал вовсе.

Васе уже перевалило за сорок, он был самым старым из нас. Он тоже был высок, еще выше Храповицкого, импозантен, с благородной сединой в висках, грустными карими глазами и холеной чеховской бородкой. Чехова Вася, конечно, не читал, он вообще книг не читал. Как, впрочем, и Храповицкий, и Виктор. Возможно, запрет на чтение был одним из условий партнерства. Вольности в одежде Вася не признавал и носил только сшитые на заказ костюмы от Киттона.

Трезвым я Васю не видел никогда. Да я и не мечтал, хотя примерно раз в неделю он торжественно объявлял о том, что бросил пить, и настоятельно рекомендовал мне поступить так же. Я в рот не брал спиртного, но требовать от Васи, чтобы он запомнил что-то, непосредственно к нему не относящееся, было бы бесчеловечно.

* * *

Храповицкий и Вася были заняты важным делом: обсуждали возможность приобретения недвижимости в Монако. Собственно, обсуждал Вася. Храповицкий лишь вставлял реплики, рассматривая в компьютере фотографии Клауди Шиффер, которую он считал эталоном женской красоты.

Я поздоровался и уселся в кресло; Храповицкий незаметно для Васи скорчил мне гримасу, показывая, что Вася ему уже осточертел. Вася между тем увлеченно листал цветные каталоги.

— Вот за этот дом, к примеру, просят всего шесть миллионов долларов. — Вася тыкал в картинку пальцем. — Володь, ты только посмотри, какая красота!

— А ты мне Клаву туда привезешь? — не отрываясь от компьютера, осведомился Храповицкий. — Я без нее никуда не поеду. Какие ноги, м-м!

«Клавой» он любовно называл свой идеал.

— Да ты посмотри, посмотри! — не унимался Вася.

Храповицкий вздохнул и повернулся к нему.

— Вася, — как ребенка, начал уговаривать он партнера. — В Монако скучно. Там не пьют по ночам, не заставляют телок раздеваться догола в ресторане и не разбивают дорогие тачки о фонарные столбы. Ты там вымрешь, как мамонт, без привычной тебе обстановки. Представь, с утра и до вечера только ты и две твои жены. Все трое трезвые. Это же тюрьма, Вася. Ну зачем тебе тюрьма в Монако?

Перечень того, что запрещалось в Монако, был на удивление схож со списком последних Васиных подвигов. Вася предпочел этого не заметить.

— Как зачем? — горячо возразил он. — Там все приличные люди живут:

Мадонна, Принц, еще этот... Элтон Джон. Ты же любишь Элтона Джона! Мне в агентстве недвижимости рассказывали, что там...

— Вася, посмотри в зеркало. Ты не похож на Мадонну, — резонно заметил Храповицкий. — У тебя даже музыкального слуха нет.

— Зато я себе герб заказал, — похвастался Вася, не без самодовольства. — Прибью прямо на входе.

— Где прибьешь, здесь, в Уральске? — спросил Храповицкий.

— И здесь, и на Кипре. И в Монако прибью, если и там дом куплю.

— Какой еще герб? — удивился я.

— Родовой, какой же еще! Дворянский!

— А ты разве дворянин? — спросил Храповицкий.

— А черт ее знает! Может, и дворянин. Я же ни у кого не спрашивал. — Вася смахнул несуществующую пылинку с лацкана пиджака. Он был чрезвычайно заботлив в отношении своих вещей. — В любом случае, герб-то не помешает. Солидно. Будет написано по-латыни: Шишкин. Василий. Золотыми буквами. На голубом поле. А по краям розы. Десятку баксов отдал специалистам по гербарике...

— По геральдике, — поправил я. — Наука о гербах называется геральдика. А гербарии дети в школе составляют.

— Хватит умничать, — отмахнулся Вася. — Дизайн-то я все равно сам придумал. Ну так что: берем?

Возможно, когда-то Вася и был образцовым чиновником: часами сидел без дела, не испытывая при этом никакого неудобства; брал взятки и на торжествах лихо опрокидывал рюмку водки, не поперхнувшись. Некоторые из этих выдающихся способностей он сохранял и в настоящее время. Однако обрушившиеся на Васю в одночасье огромные деньги окончательно разрушили связи между мыслями в его голове, которых у Васи и без того было немного. Теперь эти редкие мысли беспорядочно летали под сводом его красивого черепа, хаотично сталкиваясь между собой.

До серьезных дел Храповицкий его не допускал, если не считать серьезным делом вызов проституток для массовых гуляний. О том, что творится в фирме, Вася имел представление самое смутное, но порой на него находила жажда деятельности. Со своими дурацкими каталогами он заявлялся на наши совещания вне зависимости от степени их важности и тут же начинал убеждать партнеров приобрести старинные ружья на аукционе в Лондоне или обзавестись спутниковыми телефонами, которые позволят им общаться друг с другом под водой на глубине пятидесяти метров.

Изгнание Васи из фирмы было лишь вопросом времени. Но поступить так сейчас Храповицкий не мог при всем желании, поскольку опасался остаться один на один с Виктором, ревниво следившим за тем, как Храповицкий забирает все больше и больше власти. Вася был его надежным, хотя и нетрезвым союзником в постоянной скрытой войне с партнером.

Появления Виктора в кабинете я ждал с минуты на минуту. Стоило нам где-нибудь собраться, как он тут же возникал рядом, очевидно, боясь допустить нашего сговора. А чем еще нам заниматься, как не сговариваться против Виктора? Когда я однажды обнаружил жучки у себя дома, мне не понадобилось гадать, кем они были установлены.

А вот на производственные совещания Виктор не ходил — это была заведомо проигрышная для него ситуация. Если бы он начал при всех спорить с Храповицким и заступаться за директоров, некоторые из которых были его ставленниками, разногласия между главными партнерами сделались бы очевидными, тогда как сейчас о них знали лишь посвященные. А если бы Виктор молчал, это лишь подчеркнуло бы ведущую роль Храповицкого. Зато Вася присутствовал на совещаниях с удовольствием, хотя и ничего не понимал. Ему нравилось представлять. Смотрелся он действительно совсем неплохо.

* * *

Виктор появился на пороге минут через пять после меня. Он был среднего роста, лысеющий, плотный, темноволосый, синеглазый, с правильными чертами лица, но с нездоровой красноватой кожей в оспинах, сильно его портившей.

—Привет. Как дела? — со свойственной ему преувеличенной бодростью осведомился он, пожимая нам руки. И обращаясь ко мне, добавил: — Морочишь народ, как обычно?

—Ну да, — подтвердил я. — Внушаю им, что вы — порядочные трудолюбивые предприниматели, которые думают исключительно о благе родины.

-Мы — такие и есть! — весело отозвался Храповицкий.- Без нас она давно бы пропала!

Виктор не выносил меня на дух, считая, что Храповицкий взял меня на работу лишь для того, чтобы ослабить его, Виктора, позиции в империи. Считал он в общем-то правильно, хотя мне случалось добиваться положительных результатов и на других направлениях нашей деятельности. При моих недостатках, перечень которых занял бы слишком много места, я был или, по крайней мере, бывал, не самым бесполезным сотрудником, но это не делало меня более симпатичным в его глазах.

Все четверо мы были на «ты». Обнимались при встречах; не реже раза в неделю собирались вместе с постоянными или совсем не постоянными подругами и время от времени шумно загуливали за границей. Но друзьями мы, конечно же, не являлись.

—Ты выяснил, кто взрывал Пономаря? — спросил у меня Виктор.

Александр Кривоухов, по прозвищу Пономарь, был ровесником и близким другом Виктора. Они вместе начинали в торговле свой славный трудовой путь:

Пономарь работал директором большого мясного магазина, а Виктор под его руководством оттачивал мастерство в рубке мяса. Дерзость Пономаря в сочетании с хитростью Виктора позволила им через некоторое время стать владельцами сети пивных баров и ларьков, расположенных в лучших местах города.

Пиво они разбавляли столь же беззастенчиво, как и мухлевали с мясом, так что их состояние росло как на дрожжах. В начале девяностых они открыли банк, который вскоре рухнул, похоронив под своими руинами не одну сотню миллионов долларов. И пока многочисленные акционеры, состоявшие в основном из государственных предприятий, отчаянно боролись за остатки своих средств и собственности, Крапивин и Пономарь покинули Россию и целый год лечили душевные раны обустройством новоприобретенных поместий в Испании. Правда, большую часть денег им все же потом пришлось вернуть и раздать в качестве взяток, дабы иметь возможность беспрепятственно прожить в Россию, не опасаясь тюрьмы и пули, но кое-что у них осталось.

В той знаменитой сделке, что затеял Храповицкий несколько лет назад, Виктор обеспечивал финансирование и тем купил себе место полноправного партнера Храповицкого. А Пономарь предпочел не рисковать и от участия отказался. Вскоре выяснилось, что он упустил главный шанс своей жизни. Простить себе этого он, с его самолюбием, не мог. Думаю, он мечтал о том, чтобы на его лысой голове выросли волосы, дабы он мог их ежедневно вырывать.

В глазах обывателей Пономарь по-прежнему оставался одним из хозяев города. Ему принадлежали магазины и рестораны на центральных улицах, его повсюду сопровождала охрана и красивые девушки. Но узкий круг финансовых воротил губернии знал, что в высшую лигу Пономарю уже не прорваться. Там теперь играл Храповицкий.

По настоянию Виктора, мы порой участвовали в некоторых проектах Пономаря, в основном, связанных с торговлей, но при наших оборотах это была скорее дань прошлой дружбе, чем серьезная заинтересованность.

Два дня назад офис Пономаря ночью разнесли из гранатомета. Никто не пострадал, если не считать мебели и его репутации. И для того и для другого удар оказался сокрушительным. У Пономаря имелась собственная бригада, и местные бандиты прежде не решались с ним связываться. И вдруг такое! Все газеты писали только об этом. Милиция разводила руками. Город терялся в догадках.

* * *

Благодаря широкому кругу знакомств, мне иногда удавалось узнать то, о чем не сообщали официальные источники. Кое-что я и на этот раз выяснил, но рассказывать об этом при всех я не собирался.

— Пока все смутно, — уклончиво ответил я.

— А что говорят менты?

Это был странный вопрос в устах Виктора. Вообще-то за связи с милицией отвечал именно он. Он пил с руководством УВД, раздавал там деньги и натравливал органы на наших конкурентов, когда это требовалось. Возможно, он в очередной раз хотел проверить, насколько откровенны со мной некоторые из его высокопоставленных собутыльников. Не сливают ли они мне информацию о нем самом? Разумеется, они сливали. И мне, и, наверняка, кому-то еще. Наверное, расчет Виктора был на то, что я не удержусь от желания щелкнуть его по носу и продемонстрировать свою осведомленность. Если так, то в такую ловушку не попался бы даже Вася. Если бы, конечно, Виктор ловил его трезвого.

— То же, что и тебе, — пожал я плечами. — Происки конкурентов.

В последнее время Пономарь нелегально ввозил в город американские сигареты польского производства, причем в промышленных количествах. Он практически монополизировал табачную торговлю в области, и другие поставщики злились и точили на него зубы.

— Надо бы ему помочь, — настойчиво произнес Виктор Храповицкому.

-Зачем? - небрежно поинтересовался тот.

-Он — наш партнер как-никак! Мы же не будем отсиживаться, когда его мочат!

Он сел за стол, взял из подстаканника карандаш и принялся катать его по стеклянной поверхности.

— А мы с его табачного бизнеса что-нибудь имеем? — обеспокоенно поинтересовался Вася. Идея бескорыстной помощи оставалась Васе глубоко чуждой, даже если речь шла о близких друзьях. А уж зачем ему заботиться о близком друге Виктора, Вася и вовсе не понимал.

-Член,- коротко отозвался Храповицкий, по-прежнему любуясь снимками своей мечты в купальнике. — Парни, вы как хотите, а я бы ее с двумя детьми взял!

Эта подростковая влюбленность в незнакомую женщину с фотографии была бы безобидной и даже трогательной, не будь она столь утомительной для окружающих, которым тоже полагалось восхищаться Клауди Шиффер.

— Мы получаем от других его направлений,- сказал Виктор.

— Но это не одно и то же, — не сдавался Вася. Когда речь шла о деньгах, он становился дотошным.- Взорвали-то его за сигареты!

— У нас мощная служба безопасности, у нас двести человек вооруженной охраны, — нажимал Виктор. — У нас связи с ментами. Разве мы не можем тряхнуть кого-нибудь из табачных торгашей? А еще лучше отловить пару торпед и допросить у нас в подвале.

— Ты предлагаешь нам ввязаться в чужую войну? — поднял густые брови Храповицкий.

— С кем воевать-то? — задиристо возразил Виктор. — Если бы это были серьезные ребята, они Пономаря уже грохнули бы! Тут какая-то шелупонь из подворотни.

— Если, конечно, причина в торговле куревом, — как бы мимоходом заметил я.

Я все-таки решил дать ему легкий щелчок.

— Что ты имеешь в виду? — повернулся ко мне Виктор.

Храповицкий тоже с любопытством сверкнул на меня глазами. Он понимал мою интонацию с полуслова.

-Несколько разъяренных ларечников скинулись и наняли бродячих отморожков, чтобы те пальнули по берлоге Пономаря? — спросил я. — Вы в это верите? И никто из них и из братвы, которую подрядили для этого представления, не проболтался? Гляди, какие скрытные! И какой в этом смысл? Досадить Пономарю? А они не подумали об ответке? И почему ни Пономарю, ни его орлам не пришло в голову, что покусились на них именно табачники? Почему они не громят их магазины и не вывозят их в лес в багажниках? Подскажи им, Витя, кого нужно нахлобучивать. Я, правда, не силен в психологии работников торговли, — примирительно добавил я. — Но мне казалось, что совсем глупых среди них нет.

Виктор сделал вид, что не услышал моей последней реплики, но покраснел, и оспины на его лице проступили сильнее.

— И кто же, по-твоему, это сделал? — спросил он скептически.

-Откуда ж я знаю?

-А зачем тогда рот раскрываешь?

-Не груби, я ранимый.

-Андрей, скажи, что ты по этому поводу думаешь! — подал голос Храповицкий.

— Полагаю, это не местные, не уральские, иначе мы бы уже знали. А раз не местные, значит, и причина другая. И, скорее всего, Пономарю она понятна. Офис — это чепуха. Предупреждение, а не месть. Наверное, у Пономаря есть какие-то проблемы, которыми он с нами не делится.

— Чушь! — фыркнул Виктор. — Я знаю все его проблемы!

-Но это не значит, что ты нам о них сообщаяешь, — возразил я.

— Любопытно, — заметил Храповицкий. Он наклонился вперед, взял карандаш, откатившийся от руки Виктора слишком далеко, осмотрел его и вернул в подстаканник. — Если Андрей прав, значит, Пономарь что-то затеял, не поставив нас в известность.

— Мы тоже ему многого не говорим! — раздраженно проворчал Виктор.

— Тут другое, — возразил Храповицкий. Когда он спорил с Виктором, то слова выговаривал четче обычного, и крупные черты его лица обострялись и становились жестче. — Мы работаем с ним только по линии торговли. И прибыли, которую мы от этого получаем, не хватает даже нашим телкам на

помаду. А Пономарю партнерство с нами дает возможность входить в те кабинеты, где его никогда бы не приняли. И вот эту виртуальную выгоду, получаемую за наш счет, он, возможно, пытается конвертировать во что-то еще. Но уже без нашего участия.

— Вов, что ты хочешь от торгашей! — буркнул Вася, с присущим ему тактом наступая Виктору на любимую мозоль. Он было сунул руки в карманы брюк, но вытащил их, видимо, спохватившись, что дворяне так не поступают. — Им лишь бы чего-нибудь спереть.

На Васином месте я бы промолчал, даже если бы Виктора не было в кабинете. В бытность свою заместителем председателя облисполкома Вася пер все, что плохо лежало. А что хорошо — тем более.

— Да на хрен нам слушать Андрюхины домыслы?! — возмутился Виктор. — Давайте дадим задание нашим парням и пусть они выясняют.

— Мы не будем вмешиваться, — спокойно отозвался Храповицкий. Он, похоже, принял решение. — Мы подождем, пока ситуация прояснится. В чужую войну я не полезу.

Он нажал кнопку селектора.

— Лена, приглашай народ в комнату совещаний.

Вася остался сидеть на месте, а Виктор с недовольной физиономией направился к выходу. Я, как можно незаметнее, последовал за ним.

— Ты что, смываешься? — недовольно окликнул меня Храповицкий.

— У меня запланированы важные встречи. Я же не знал, что мы засидимся. Надеюсь, что к этому времени мы уже закончим.

— Ты пропустил уже два совещания!

— Разве? Как же вы справились без меня? Молодцы!

-Когда-нибудь я тебя все-таки уволю! — грозно пообещал Храповицкий.

-Не надо! Твоя Лена не перенесет этого!

-Да она только рада будет! Она тебя терпеть не может!

-Зря ты так думаешь,- с тихим укором сказал я.- Знал бы ты, как она на меня смотрит, когда тебя нет! О, я хочу писать эти глаза!...

-Пошел к черту!

-Вот так всегда! — расстроено заключил я.- Только соберешься выступить с докладом на совещании, сразу гонят.

* * *

Храповицкий появился на свет в Заречье, одном из маленьких промышленных задымленных городков нашей обширной Уральской губернии, в семье врачей. Возможно поэтому вид крови его не пугал. То, что ему суждено стать олигархом, было написано у него на лбу, большими печатными буквами, дабы акушерка, читая, не ошиблась, - тогда это слово еще редко употреблялось.

Основу его живого и непоседливого характера составляли предприимчивость, предусмотрительность, коварство и изворотливость. Когда он менялся с мальчишками во дворе наклейками или вкладышами, то так азартно торговался, так убедительно уговаривал и так слезно выпрашивал, что те, постепенно уступая, в конце концов оставались ни с чем. И пока они оторопело пытались понять, как же такое могло случиться, довольный Храповицкий уже поспешал домой с добычей, которую прятал в специальном ящике под кроватью.

Если родители неосторожно спрашивали его, что ему подарить на Новый год, он тут же извлекал приготовленный заранее список из сорока двух пунктов, в котором первым значился спортивный велосипед (Храповицкий писал «гоночный»), а последним пунктом – апельсины и шоколадка (только вместе, а не по отдельности). Когда классная учительница, обнаружив в своей сумке дохлую мышь или живую лягушку, визжала от ужаса к восторгу своих питомцев, то лишь Храповицкий смотрел на нее с неподдельным сочувствием в черных глазах. И ей, готовой беспощадно наказывать безобразников, даже не приходило в голову, что автором этой проказы, как и других, подобных, является именно он.

Музыкальную школу, в которую отдала его мать, он бросил, - усидчивость не была его подругой. Зато быстро освоил гитару и выступал на школьных вечерах в вокально-инструментальном ансамбле: играл на соло-гитаре и пел высоким тенором, несколько гнусавым, по тогдашней моде. Все это он рассказывал мне сам, с гордостью. Ему и в самом деле было чем гордиться.

Высших учебных заведений в Заречье не существовало, и Храповицкий после школы приехал в столицу области Уральск и поступил в плановый институт. Студенческой нужды он не ведал: много фарцевал; организовав бит-квартет, подрабатывал вечерами в ресторанах. При этом он получал стипендию, договорившись в деканате о хороших оценках за умеренную мзду. Ну и еще присылали родители.

На втором курсе он женился по сильной любви на девушке из своей группы, которая весьма кстати оказалась единственной дочерью второго секретаря обкома партии. Не думаю, что расчет здесь играл главную роль. Вполне допускаю, что он способен был увлечься и дочерью простого заведующего отделом. Но не с такой пылкостью.

* * *

К тестю Храповицкий относился почти с тем же восхищением, как к Клауди Шифер. Что в общем-то вполне понятно, если учесть, что тот одарил молодоженов двухкомнатной квартирой в центре города. Должно быть, они были единственной студенческой парой во всей области, да и не только нашей, обладавшей в советские времена подобной роскошью. Храповицкий

старательно подражал чиновному тестю в манерах, называл его «папой» и часто заглядывал в гости с женой и один, - посоветоваться на темы семейного быта. Что, надо сказать, весьма раздражало его юную супругу, девушку своенравную, считавшую, что она выходила замуж вовсе не для того, чтобы жить папиными заветами.

Тесть, человек твердолобый, убежденный коммунист, не лишенный принципов, привязался к Храповицкому как к родному сыну и помогал ему чем мог. Уже к двадцати семи годам Храповицкий возглавил небольшой нефтеперерабатывающий завод. К тому времени он, поднимаясь по карьерной лестнице, успел войти во вкус властных привилегий: двухкомнатную квартиру сменил на трехкомнатную, обставил ее дорогой мебелью, построил за казенный счет дачу, регулярно ездил с женой отдыхать за границу и в лучшие санатории Крыма. Связей на стороне он не заводил, помня суровый нрав своего высокопоставленного родственника, зато подарил ему двух очаровательных черноволосых внуков: мальчика и девочку.

В тридцать два года Храповицкий был первым заместителем директора крупнейшей во всем регионе нефтяной компании, занимавшейся и добычей и переработкой. На этой должности его и застала новая русская революция, которая демократической метлой без всякой почтительности вышвырнула на задворки истории коммунистического папу. Но к этому времени в его советах Храповицкий более не нуждался.

Теперь его учителем и наставником являлся Алексей Петрович Громобоев, орденосец, знатный нефтяник, депутат областного совета, личный друг министра и непосредственный начальник Храповицкого. Обрюзгший от пьянства, шумный мужлан, привыкший орать на подчиненных и гордившийся своим хамством, которое он упорно выдавал за прямоту.

Храповицкий мерз с ним на охоте, потел в банях, давился водкой по выходным, жарил ему шашлыки и выслушивал его бесконечные истории о героических буднях прошлого. Но прошлое, пусть даже покрытое неувядаемой славой, Храповицкого не зажигало. Он рвался в будущее.

Страна переживала разгул приватизации. Целые отрасли переходили из государственной собственности в частную. Оставаться в стороне от этого процесса, дававшего уникальную возможность разбогатеть в одночасье, Храповицкий считал недопустимым. Он горячо убеждал начальника приватизировать компанию. Громобоев после второй бутылки обычно становился благосклоннее к мнению своего молодого заместителя, которого он считал парнем расторопным и неглупым. В конце концов он согласился, тем более, что Храповицкий не претендовал на равенство. Он был готов довольствоваться малым, лишь бы иметь завидную возможность работать и впредь под руководством Громобоева и даже и умереть с ним в один день.

Достигнув соглашения, оба энергично взялись за дело. Громобоев упрямил министра добиться перевода руководимой им нефтяной компании из

государственного реестра в список объектов, подлежащих приватизации. А Храповицкий подружился с Шишкиным, который к тому времени возглавлял областной комитет госимущества. Вася гарантировал, что выставленная на аукцион добыча не достанется врагу. Деньги, необходимые для покупки дал Виктор Крапивин, который, к слову, закончил тот же плановый институт, что и Храповицкий, только заочно.

В запутанный механизм сделки Громобоев не вникал, положившись на Храповицкого и полагая, что утомительной процедурой оформления бумажек и хождения по кабинетам должны заниматься подчиненные, а не начальники. Это вполне резонное суждение имело лишь один изъян, который вскоре и обнаружился. Когда после полуторагодовых почти нечеловеческих усилий, приложенных Храповицким, все было наконец позади, Громобоев узнал, что отныне он не является главным собственником предприятия. Того самого предприятия, которое он возглавлял последние двадцать лет, которое благодаря его стараниям считалось одним из лучших в стране, чей многотысячный коллектив относился к нему с благоговейным страхом.

Теперь Громобоеву принадлежала лишь четвертая часть акций. Тремя остальными - по двадцать пять процентов соответственно - владели Храповицкий, Шишкин и Крапивин. Последних двоих Громобоев в упор не знал и знать не хотел. При этом права первой подписи у Громобоева больше не было. Оно как-то само собой перешло к Храповицкому, ставшему генеральным директором. А Громобоеву давалась почетная и абсолютно бесполезная должность председателя совета директоров. Впрочем, Храповицкий великодушно пообещал не выселять его из кабинета.

Удар был страшным. Громобоев запил. В компании он появлялся лишь наездами, в состоянии, далеком от вменяемости, и устраивал шумные скандалы своим новым партнерам. Выводить его приходилось с охраной. Примерно через полгода Громобоев все же несколько опомнился, но тут его ждало новое потрясение. Его враги-совладельцы предъявили ему документы, из которых неоспоримо следовало, что акции Громобоева были проданы. Все тем же трем людям. На документах стояла собственноручная подпись Громобоева, они были заверены у нотариуса должным образом.

Сломленный старик никак не мог вспомнить, действительно ли он согласился по пьянке подписать какие-то бумаги или пал жертвой очередного мошенничества. Это его доконало. У него случился инсульт, его частично парализовало. Он долго проходил курс реабилитации в больнице, потом в санаториях, но до конца так и не восстановился. Некогда грозный Громобоев навсегда исчез из компании, и больше о нем в области не вспоминали. Говорили, что родственники увезли его куда-то за границу.

Зато тестя Храповицкого я иногда встречал у него в приемной. Превратившись в безобидного голубоглазого пенсионера, бывший хозяин области время от времени обращался к своему вознесшемуся зятю с мелкими

просьбами: помочь с ремонтом квартиры или дать машину, чтобы привезти с дачи помидоры. В просьбах Храповицкий ему никогда не отказывал, хотя и общался с ним преимущественно через секретаря.

ГЛАВА ВТОРАЯ

* * *

Я знаю, как меня будут мучить в аду. Меня оденут в белый смокинг и поселят в русской глубинке. Осенью.

Уральская губерния, где располагалось множество мощных промышленных предприятий, была одним из немногих регионов в России, приносявших деньги в федеральный бюджет и не зависевших от правительственных дотаций. Что не мешало главному городу области, с его полуторамиллионным населением и унылым индустриальным пейзажем, утопать в грязи с сентября по апрель. А с апреля по сентябрь задыхаться от пыли.

Когда я вышел из четырехэтажного здания администрации нашей компании, расположенного на пересечении двух главных улиц, накрапывал мелкий октябрьский дождь. Охрана каждое утро мыла машины, но достаточно было проехать двести метров в потоке мчавшегося по лужам транспорта, чтобы их естественный окрас сменился буро-серыми разводами, внушавшими отвращение даже бродячим собакам, которые с возмущенным лаем метались вдоль обочин.

Я сел в свой джип и дождался пока Гоша, начальник моей охраны, высокий, спортивный парень со смуглым красивым, решительным лицом, захлопнет за мной дверцу и вальяжно развалится на пассажирском кресле.

— Какие планы на вечер? — снисходительно поинтересовался Гоша. Он всегда сохранял тон добродушного превосходства. — Я к тому, что если договариваться с кем-то из ваших дам, то лучше это сделать заранее. До обеда они спят, а после трех их уже не поймаешь. При всем моем к вам уважении.

— Сегодня вечером у нас официальное мероприятие, — ответил я. — Неизвестно, когда освободимся. Так что придется обойтись без женщин.

— Я все-таки заряджу человек трех из вашего списка, — задумчиво отозвался Гоша. — Так, на всякий случай. Пусть сидят дома, ждут. Лучше потом откажемся. А то вы ближе к ночи спохватитесь, я же и останусь виноватым. Да и им полезно. Надо приобретать навыки семейной жизни.

Гоша был редкий нахал. Он катал на моих машинах своих подружек, прикарманивал часть денег, которые я выдавал ему на расходы, и не реже чем раз в полгода попадал в милицию за драки. Но я все прощал ему за природную сообразительность и надежность, которая совсем не часто встречается в охранниках.

Вообще-то его звали Геннадий, но свое имя он почему-то не любил, и

представлялся Гошей, объясняя, что так интимнее. Гоша приближался к тридцати годам, в связи с чем собирался в третий раз жениться. В этом он усматривал свидетельство своей серьезности и скрытый укор моей безалаберности. В мои тридцать четыре года я был женат только раз, да и то не слишком удачно. Гоша же с удовольствием вспоминал все свои предыдущие браки и не видел препятствий к продолжению столь приятного времяпрепровождения.

Всего в охране у меня работало шесть человек — по трое в смену. Свою машину я водил сам, начальник смены садился рядом, а двое других охранников ехали в машине сопровождения. С этим агрессивным коллективом Гоша справлялся без труда и еще заведовал списком из десяти - двенадцати девушек, с которыми я встречался с большей или меньшей регулярностью. Когда список пополнялся новыми именами, Гоша по своему усмотрению вычеркивал тех, о ком я не вспоминал больше двух месяцев.

Вообще-то в отличие от Храповицкого и его партнеров, принимавших на работу только офицеров спецназа или военной разведки, я не придавал охране своего брэнного естества особого значения. Для меня это было скорее вопросом антуража. Вид рослых, тренированных ребят с оружием производил неизгладимое впечатление на женщин, с которыми я знакомился, и на посещавшую наши рестораны задиристую шпану, с которой я знакомиться не хотел. Помимо прочего, наличие дополнительной рабочей силы избавляло от необходимости заботиться о машинах и самому делать покупки. Я не люблю быта.

— Кстати, — опять подал голос Гоша. — Народ стонет.

-Какой народ?

-Да ваш. Гаремный.

—Денег просит? — спросил я безрадостно.

—Ну да, как обычно. — В Гошином голосе звучало неодобрение. Он не поощрял материальных претензий участниц списка, цинично именуемых им гаремом.

—Отвези трем самым страждущим по триста долларов.

—Не получится, — возразил Гоша не без злорадства. — Одна только Марина, ну, которая учительница, просила полторы на дубленку к зиме. А как вы хотите, Андрей Дмитриевич, не голой же ей ходить!

По его саркастическому тону угадывалось, что, если он чего-то и желает учительнице Марине, так это именно ходить зимой голой.

Тогда вычеркни ее из списка, — решил я.- Я ей только на прошлой неделе денег давал.

—Уже сделал,- кивнул Гоша. - Сказал, что вы на месяц уехали в Москву.

Проституток в моем списке не значилось, так я во всяком случае предполагал. Но материальные проблемы порядочных решать все равно приходилось, причем, вне зависимости от того, встречался я с ними или нет.

Иначе список как-то сам собою таял.

* * *

Между прочим, у меня и впрямь была важная встреча. Даже целых две. Я довольно часто говорю правду, хотя и не знаю, зачем. Ни к чему хорошему это не приводит, особенно в общении с женщинами. С другой стороны, Храповицкий им постоянно врет, но я бы не сказал, что ему легче живется.

Для начала я отправился в наш банк. Банк был небольшим, как выразался Храповицкий, «карманным», и работал в основном с деньгами наших предприятий. Управлял им Павел Сырцов, бывший колхозный бухгалтер, которого Храповицкий откопал где-то на периферии. Сырцову было за тридцать. Он был среднего роста, худощавый, с испуганными глазами и густой преждевременной сединой, появившейся, вероятно, от постоянных переживаний за чужие деньги.

Любую трату, даже покупку презерватива, он считал бездумным расточительством. И решался на нее лишь после долгого всестороннего обдумывания. Деньги вообще, по его глубокому убеждению, существовали не для того, чтобы их тратить, а чтобы их копить. На стене в его тихом кабинете со спартанской мебелью висела абстрактная картина, в бледно-зеленых тонах, изображавшая не то норвежские фьорды, не то горы долларов. Картина Сырцову очень нравилась. Она его успокаивала.

Ему сегодня предстояло тяжелое испытание. Поскольку я приехал, чтобы забрать четыреста тысяч долларов наличными.

Все необходимые по этому поводу распоряжения Сырцов получил от Храповицкого еще в середине прошлой недели. Деньги уже были подготовлены, десять раз пересчитаны, аккуратно упакованы и уложены в спортивную сумку. И все-таки расставаться с ними ему было тягостно и больно.

Он еще раз позвонил Храповицкому, в надежде, что в планах шефа произошли какие-нибудь изменения. Увы, ситуация осталась без изменений. Сырцов вздохнул, окинул прощальным взглядом сумку и бережно передал ее мне.

— Сумку только потом верни, — попросил он. — А то на тебя не напасешься.

— В следующий раз приеду с мешком, — пообещал я. — Чтоб больше поместилось.

- Не надо, - испуганно попросил он. Он не понимал шуток на тему денег.

Я поставил сумку на пол и небрежно задвинул ногой под кресло. От подобного обращения с дорогим его сердцу грузом Сырцова покорило. Острый кадык на тонкой шее пробежался вверх и вниз. Из хулиганства я хотел было прикурить от стодолларовой купюры, но побоялся, что его хватит удар.

Сырцов заглянул в компьютер, затем сверился с какими-то записями.

— Итого я выдал тебе один миллион триста пятьдесят восемь тысяч долларов, — подытожил он с грустью.

— За тобой еще столько же, — сообщил я.

— Шутишь?! — ахнул он, меняясь в лице. Его испуганные глаза заметались.

— Храповицкий об этом мне ничего не говорил.

— Еще скажет, — заверил я. — Постараюсь уложиться в три миллиона. Хотя, это, конечно, сухой паек.

Сырцов заерзал.

— Зачем нам вообще эта политика! — воскликнул он в сердцах. — Одни расходы от нее!

— Ты не все знаешь, — многозначительно произнес я.

Сырцов бросил отчаянный взгляд на картину, как будто опасаясь, что долларовые фьорды вот-вот растут. Фьорды были на месте. Это придало ему сил.

— Нет, конечно, если мы победим, — принялся вслух утешать себя Сырцов, — и все городские счета переведут в наш банк, то траты окупятся довольно быстро.

— А если их переведут в «Потенциал»? — поддразнил я.

— С какой стати! — возмутился Сырцов. Он опять занервничал. — Платим-то за выборы мы. Ты знаешь, сколько «Потенциал» имеет в месяц?

Контрольный пакет банка «Потенциал» принадлежал губернатору. И банк свободно распоряжался деньгами областного бюджета, что было предметом мучительной зависти Сырцова, постоянно подсчитывавшего их баснословные барыши.

— Ты идешь сегодня на их юбилей? — спросил я, чтобы отвлечь его от темы, на которую он был готов распространяться часами.

— Храповицкий приказал быть обязательно. Велел мне новый галстук купить. Не знаю уж, чем этот ему не нравится. Хороший галстук. Новый. Я его только два года ношу. Да еще обязал сделать подарок от имени нашего банка. Я пытался ему объяснить, что они нам только поздравительный адрес присылали, бесполезно!

У меня не было времени внимать его жалобам на мотовство начальства. Я и так уже немного опаздывал.

Последние два месяца в Уральск переживал необычайный ажиотаж в связи с выборами мэра города, в которых мы принимали самое деятельное участие. Одной только нефти Храповицкому, с его аппетитами, казалось недостаточно. Под его неумолимой чингизхановской пятой, обутой в вечерние лаковые туфли ручной работы, уже стонал добрый десяток промышленных предприятий губернии. Но он жаждал заполучить весь Уральск целиком.

Городом правил Борис Кулаков, бывший директор большого металлургического завода, и справедливость требует признать, что он был не

самым плохим мэром. Что-то вечно латал в запущенном городском хозяйстве, что-то сносил, что-то строил. Однако, у Храповицкого было свое представление о справедливости. То, что вся деятельность Кулакова протекала без нас, он считал недопустимым и мириться с этим не собирался.

В войне против Кулакова у нас был мощный союзник в лице губернатора Егора Лисецкого – либерала-рыночника, демократа-западника (как он, во всяком случае, себя характеризовал), неутомимо строившего счастливое будущее нашей губернии. Которое он, подобно многим российским либералам-западникам, не отделял от благополучия своей семьи. Его Кулаков так же, как и нас, не допускал к разграблению городского имущества. Что губернатора так же, как и нас, бесило. А, может быть, и больше.

Кулаков в прессе и на площадях обличал воровство Лисецкого. Мимоходом замечу, что оснований для инвектив у него было вполне достаточно. Доставалось, конечно, и нам, и тоже не так чтобы совсем беспричинно. Но если мы лишь скрежетали зубами, дожидаясь своего часа, то губернатор в ответ душил его рублем, не выделяя из областного бюджета денег на социальные нужды города.

Сейчас им предстояла решающая схватка. Через год Лисецкого и самого ожидали выборы, и было ясно: если он не прикончит Кулакова сегодня, тот закопает его завтра. И потом, в соответствии со своими коммунистическими принципами, заунывно споет «Интернационал» на губернаторской могиле.

Собственно, на этой почве и началось наше сближение с губернатором. Он обратился к нам за помощью, поскольку в наших руках были средства массовой информации и заводы, расположенные на территории города. Храповицкий откликнулся с готовностью, ибо его воображение давно волновали городские улицы и бескрайние просторы губернии, на которых оставалось еще множество возможностей для наживы. Так возник союз, ставивший себе целью стирание Кулакова с лица земли, а я, по согласованию с Лисецким, был назначен ответственным за ведение военных действий.

На место Кулакова претендовали четыре кандидата. Но реальным был один - Чернобруев, которого поддерживал губернатор и, соответственно, мы.

Чернобруев три с половиной года являлся правой рукой Кулакова и главой администрации Центрального района; пел ему дифирамбы, ел его преданными глазами и целовался с ним в десны, как это у коммунистов было заведено с незапамятных советских времен. Однако, будучи амбициозным, он, подобно многим заместителям, постепенно проникся убеждением, что осуществлять руководство было бы сподручнее ему самому, чем его начальнику.

Этой мыслью он поделился кое с кем из своих приближенных, которые, в свою очередь, довели ее до сведения кое-кого из окружения губернатора. И Лисецкий, с его редким чутьем на предателей, положил на Чернобруева глаз. Что касается нас, то мы давно уже работали с Чернобруевым, поскольку

большинство купленных нами зданий находилось как раз в его районе. Мы хорошо знали ему цену, и она нас устраивала.

Словом, губернатор надеялся получить послушного мэра, а мы – проверенного партнера по переделу собственности.

* * *

Храповицкий, вечно заботившийся о конспирации, настаивал, чтобы наша помощь Чернобруеву сохранялась в секрете. С таким же успехом он мог требовать соблюдения тайны о впадении Волги в Каспийское море. Начать с того, что штаб Чернобруева находился в одном из наших помещений. Нам принадлежал весь первый этаж жилого дома, мы готовили его под филиал банка, а пока приютили будущего мэра. Разумеется, даже последний расклейщик плакатов знал, чьи руки его кормят.

Меня тут встречали как долгожданного гостя - ведь я же привозил деньги. Начальник штаба Чернобруева, толстенький, зализанный чиновник в обтрепанном костюме, бывший зам Чернобруева, несмотря на легкий дождь, уже подпрыгивал на крыльце от нетерпения.

В штабе с утра до позднего вечера крутилось много народу, а сейчас, в разгар рабочего дня, он был полон. Шныряли журналисты с камерами, уличные активисты получали листовки, пожилые женщины с озабоченными лицами составляли какие-то таблицы и забубённые агитаторы громко спорили охрипшими голосами. В коридорах на полу грудями была свалена наглядная агитация: плакаты со сладко улыбавшимся отретушированным Чернобруевым; транспаранты, призывавшие за него голосовать, ибо ни в ком, кроме него не нуждался наш обездоленный уральский народ; размноженные на ксероксе статьи, разоблачавшие злодеяния Кулакова, и прочая макулатура, стоившая нам огромных денег.

Пока мы шли по коридору, народ узнавал меня, здоровался и уступал дорогу. Неожиданно из-за угла вывернул подвыпивший пожилой мужик в грязной телогрейке и, решив, что я здесь главный, обдал меня перегаром:

— А где тут за сдир деньги дают?

— За что? — не понял я.

— Да за сдир! Мы всю ночь кулаковские плакаты сдирали. И еще надписи писали на домах.

-Какие надписи?

-Ясно какие! «Кулак — вор!»

На грубых руках мужика и на его телогрейке были заметны следы краски.

— Тонкая работа, — заметил я начальнику штаба.

Он не смутился.

— Народ как раз такое и воспринимает. Доходчиво!

Мне еще не приходилось встречать чиновника, который не знал бы, чего

именно желает народ, и не считал бы другого чиновника вором.

У Чернобруева был отдельный кабинет с секретаршей. Увидев меня, он бросился обниматься.

— Привез? — спросил он, едва мы покончили с троекратным лобызанием.

— Обижаете, — ответил я. — Когда же я вас подводил!

Если чиновник говорит вам «ты», то это признак доверительности. Но если вы отвечаете ему тем же, это уже дерзость и нарушение субординации. Чернобруев не очень походил на свои фотографии, которые мы развешивали по городу. Он был маленького роста, всклокоченный, лысеющий, лет пятидесяти, с худощавым лицом и уже оформившимся брюшком. В его суетности было нечто мышинное.

Я поставил сумку с деньгами на стол, он открыл ее и осмотрел содержимое. Его бесцветные глаза разом потеплели, словно оттаяли.

— Ты не представляешь, Андрюша, как мы задыхаемся без средств! — проникновенно проговорил он, придвигаясь ко мне.

После получения очередной порции денег его любовь ко мне обычно достигала такого градуса, что я порой начинал опасаться сексуальных притязаний. Что же касается его нужды в средствах, то я ее очень даже представлял. Его старший сын учился в Штатах, а восемнадцатилетняя дочь уже успела расколотить вторую иномарку. Жена открыла салон красоты; покупка здания и ремонт обошлись в четыреста тысяч наших грязных, как выражались коммунисты, украденных у трудового народа нефтедолларов.

В целом, Чернобруев присваивал примерно треть тех денег, что мы ему выдавали на выборы. Слабым утешением нам служило то, что брал он не только у нас. Он прилично ошкуривал коммерсантов своего района и что-то ему подкидывал «Потенциал», хотя, зная патологическую скарედность губернатора, я не думал, что много.

— Ну, как мы продвигаемся? — спросил я, чтобы отвлечь его от денежной темы.

На самом деле, я и без него знал, как мы продвигаемся. Раз в неделю я проводил инструктаж с купленной нами прессой и принимал отчеты от его заместителей по организационной работе. Чернобруев заметно отставал от Кулакова и, несмотря на все наши усилия, нам не удавалось переломить ситуацию.

— Дожимаем гада! — потер руки Чернобруев. — Вот-вот сломается.

— Он парень крепкий, — заметил я.

— Говорю тебе: конец ему! Больше половины глав районных администраций на моей стороне.

— На нашей, — механически поправил я. Именно я развозил им деньги, и надеялся, что в их рассказах об энергичной работе в нашу пользу, есть хоть доля правды.

— Его люди мне сливают, что все последнее время Кулак ходит убитый.

Они и мне говорили то же самое. Глупо было бы с их стороны говорить нам за наши деньги что-то другое. А с моей - им верить.

— Мы тут, кстати, подготовили свежий номер «Кулацкой правды», — оживленно продолжал Чернобруев, принимаясь рыться в грудях бумаг, которыми был завален стол. — Глянешь? Тебе понравится!

«Кулацкая правда» было названием довольно похабной газетки, в которой повествовалось о преступлениях Кулакова против человечества, по большей части вымышленных. Рассказывалось, как он разворовывает бюджет, строит себе особняки за границей и живет в них со своими секретаршами. Однажды, по какой-то нелепой случайности вместо несуществующего поместья Кулакова в Испании ребята Чернобруева тиснули фотографию Васиного дома на Кипре с улыбающейся Васиной женой на первом плане. Подпись гласила: «Последняя пассия мэра». Очевидно, Чернобруев привез фотографию из летнего отпуска, который он провел у Васи, и по ошибке отдал своим газетчикам.

Получив номер, Вася, пьяный в дым, с толпой охраны ворвался в штаб Чернобруева, крушил мебель, бил перепуганных штабистов, орал и требовал допустить его к Чернобруеву дабы открутить ему голову. И открутил бы, если бы не мое вмешательство.

— О чем на сей раз пишете? — поинтересовался я.

— О Кулаковской дочери. Законченная проститутка. Знаешь ее?

— Нет. Я вроде слышал, что у него сын.

— А есть еще падчерица! Он ее удочерил, так что официально она ему дочь. Сука каких мало. Переспала с половиной города. Ее менты несколько раз пьяную за рулем останавливали. Кулак все улаживал, конечно, - он доверительно понизил голос. — Я сам помогал. Отличная статья получилась! На той неделе номер должен выйти.

— Не надо про детей, — поморщился я.

— Как не надо?! Нам победа нужна! Любой ценой, ты что, не понимаешь!?

В эту минуту я пожалел про себя, что спас от Васи эту изобретательную голову. Разволновавшись, он взмахнул рукой и нечаянно задел стопку лежавших на столе бумаг. Они посыпались на пол, и Чернобруев бросился их собирать. Дверь кабинета открылась и вошел Виктор.

— Здорово! — весело приветствовал он нас с порога. — Ты уже здесь? А я ехал мимо, думаю, надо узнать, как дела. Близка победа-то?

Он, видимо, жить не мог без меня. Не спрашивая разрешения, он плюхнулся в кресло Чернобруева.

— Может, рванем по рюмочке? — предложил он Чернобруеву. - А то с утра настроение поганое.

Они с Чернобруевым были приятелями, и тот не хуже меня знал, что рюмочками Виктор не пьет. Время от времени он уходил в глубокие запои. И если на этот период он кооперировался с Васей, то их молодецкая удаль

обходилась фирме в приличные деньги, с помощью которых мы заминали скандальные последствия их бесшабашных загулов.

—Издеваешься? — фыркнул Чернобруев. — У меня сегодня встречи с избирателями.

— Мне что ли с тобой на встречи поездить? — полушутя, полусерьезно предложил Виктор. — Глядишь, кого-нибудь сагитирую.

Виктор явно страдал от отсутствия внимания со стороны широкой публики. Должно быть, ему хотелось, подобно Храповицкому, расхаживать в костюмах рок-звезды и раздавать интервью прессе. Но пресс-конференции организовывал я, и Виктора на них не приглашали. Кстати, мне показалось, что он уже выпил. Во всяком случае, глаза у него чуть помутнели и движения приобрели некоторую размашистость.

—Не надо, я уж сам как-нибудь, — поспешно ответил Чернобруев. По его лицу было видно, что компанию Виктора он считал сомнительным приобретением. — Если хочешь мне помочь, лучше надави на Андрея, а то ему, видишь ли, не нравится, что мы пишем, какая у Кулакова дочь проститутка.

—Она правда проститутка? — заинтересовался Виктор. — Гляди-ка, как интересно! Надо бы познакомиться, как считаешь, Андрюх?

Если он обращался ко мне без привычного сарказма, значит, точно выпил. В первой стадии он становился доброжелательным. К сожалению, она быстро сменялась другими, которые протекали тяжело.

Он закурил, опять-таки не спрашивая разрешения у некурящего Чернобруева, взял со стола номер газеты, пробежал глазами статью и заключил:

-Не пойдет.

-Как не пойдет?! - взвился Чернобруев. - Да мы уже тираж отпечатали!

-Да и хрен с ним! — небрежно отмахнулся Виктор.- Новый отпечатаем.

И видя глубокое разочарование Чернобруева, чуть смягчил свой приговор:

—Давай придержим это на крайний случай. Все же у нас тоже есть дети. И про них тоже могут написать.

За этот, пусть и нетрезвый, прилив великодушия я был ему так благодарен, что, прощаясь, крепко пожал руку. Когда я выходил из штаба, оставив их вдвоем, у меня зазвонил мобильный телефон. Это был Храповицкий.

— Где шляешься? — весело осведомился он. — Есть срочное дело. По твоей части.

— Интересно, а какая она, моя часть? — спросил я.

— Он еще спрашивает! Телки, само собой! Давай ко мне скорее!

Видимо, совещание уже закончилось. А, может быть, он его опять отменил.

Когда я вошел в его кабинет, в очередной раз спровоцировав приступ желудочных колик у Лены, он был один. Перед ним стоял стакан свежевыжатого гранатового сока, который ему ежедневно приносили после диетического обеда, специально приготовленного для него поваром из нашего ресторана и доставляемого прямо в кабинет. Он отхлебывал сок и разговаривал по телефону.

— Котик, дорогой, — жалобно тянул он, забавно вытягивая в трубочку свои толстые чувственные губы. — Ну зачем ты так переживаешь? Неужели ты веришь во всю эту чушь?..

Из следующей фразы стало ясно, что он пытался убедить одну из своих подруг в том, что вчера в ночном клубе видели вовсе не его, а совершенно постороннего человека, ибо он допоздна сидел на важных переговорах. Конечно, это не было правдой. Мы вместе выбрались из этого клуба часа в два утра, после чего разделились. Храповицкий честно и добропорядочно поехал к какой-то из своих дам, видимо, к другой, а я продолжил праздник в обществе двух нетрезвых и развязных гражданок.

Я сочувственно подмигнул ему, и он в ответ состроил гримасу.

— Да у меня куча свидетелей! Спроси хоть у того же Андрея! Хочешь, я ему трубку дам? Он только что пришел...

— Честнейший человек, монашеским известен поведением, — меланхолически вставил я, располагаясь в неудобном кресле.

— Ага! — не удержался Храповицкий. — Такого вруна и бабника, как ты, еще поискать!

С его стороны это было опрометчивое заявление, ибо оно привело к новому шквалу упреков по телефону. Очевидно, показания свидетеля с подобной репутацией его собеседницу не устраивали.

Мне было его жаль. Точнее, бывало жаль временами. В моем понимании, у Храповицкого не существовало личной жизни. В отношениях с женщинами он являлся страдальцем, терпеливо влачившим вериги обязательств, скандалов и расходов. Кроме той, с которой он сейчас общался по телефону, у него имелись еще две постоянные подруги. Все три были яркими, капризными, требовательными и ревнивыми.

Его жена, с которой он, кстати, так и не развелся, в настоящее время обитала в Лондоне, роптала на лишения и требовала, чтобы он приезжал чаще и помогал ей с воспитанием детей. Храповицкий лечил ее душевные раны денежными переводами. Несколько лет назад он отправил ее с детьми в Англию якобы в целях их безопасности. В известном смысле это было правдой: над семейной жизнью Храповицкого висела нешуточная угроза. Одновременное проживание в городе сразу четырех взрывоопасных женщин неизбежно закончилось бы катастрофой.

Храповицкий наконец попрощался с подругой, заверив, что сегодня приедет к ней обязательно, положил трубку и несколько минут выразительно

артикулировал губами, не произнося вслух ругательств, которые крутились у него на языке.

— Олесья? — спросил я с сочувствием.

— Ольга! — ответил он с тоской. — Олесе еще не донесли, во всяком случае, я надеюсь. Господи! Как я мечтаю уйти от них всех и зажить нормальной человеческой жизнью! Один!

Подобные признания я слышал от него в среднем два раза в день.

— Уйдешь от этих - тут же новые набегут, — привычно возразил я. - Ты мужчина видный, пиджаки у тебя вон какие нарядные. Да и поешь ты душевно, даже Виктор плачет после второй бутылки.

- Пошел ты! — беззлобно огрызнулся Храповицкий. И прибавил со вздохом: — А как их бросишь, если столько денег на них уже потрачено! Денег ведь тоже жалко.

Он замолчал и задумался, глядя в потолок, возможно подсчитывая. Ему было что считать. Эта вечно рыдающая раздраженная армия обходилась Храповицкому в сумму, сопоставимую с бюджетом одного из наших предприятий, не самого маленького. Подсчеты, видимо, были неутешительными, так что он решил сменить тему.

— Кстати, что там у нас с выборами? Работаешь?

— Стараюсь, — ответил я. — Но уверенности в победе у меня пока нет. По моему, наш уважаемый кандидат расходует получаемые от нас деньги не вполне по назначению. Откровенно говоря, я порой сомневаюсь, что в случае победы мы удержим его в узде.

— Думаешь, скурвится?

- Боюсь что да. Глупо получится: за победу заплатим мы, а дивиденды получат другие.

Храповицкий поморщился. Эта мысль, вероятно, не раз приходила ему в голову.

— Такая опасность всегда существует, — признал он, приглаживая кустистую бровь тонкими сильными пальцами. — Политики обманывают тех, кто в них вкладывается, да и не только политики. Но выбирать-то нам не из чего. С Кулаковым у нас вообще грызня! Он нас ненавидит, коммунист, чего от него ожидать? Конечно, ты прав: Черносбруев будет рвать повсюду. Но ведь и город-то огромный, на всех хватит. Я на днях разговаривал с Пашей Сырцовым, он спит и видит, как получить городской бюджет. Но бюджет — это мелочь по сравнению со стройплощадками или теми же муниципальными предприятиями! Их больше двух сотен и половину спокойно можно забрать в собственность. А недвижимость! — Он оживился, глаза его заблестели. — Здания, детские сады, пионерские лагеря, набережные! Мэрия - это Клондайк, друг мой. Кто, кроме нас, финансирует Черносбруева? «Потенциал»? Да они никогда столько не проглотят, - подавятся! Говорю тебе, даже у нас не хватит возможностей, чтобы все это освоить! Всего не украдешь,

как говорят в Москве.

Мне показалось, что в его голосе прозвучало сожаление.

— Но стремиться к этому надо! — бодро заключил он. - Кстати, о Москве. Завтра мы с тобой туда летим.

— По делу?

— И еще по какому! — Он подмигнул мне, возвращаясь в хорошее настроение. — Столпищей красивых баб. Прикинь! Угадай, кто еще туда летит, кроме нас и телок?

- Наш фотограф? — предположил я.- Ты собрался устроить эротическую фотосессию?

- Губернатор!

Охота шутить у меня сразу пропала. Судя по торжествующему блеску в черных глазах Храповицкого, моя физиономия вытянулась.

* * *

К губернатору Храповицкий подбирался уже полгода, бывал на всех мероприятиях с его участием, почтительно подносил дорогие подарки по поводу и без, даже ухитрился пару раз оказаться в свите особо приближенных на браконьерской охоте. Но Лисецкий держал дистанцию. Губернатор чуял в нем хищника, от Храповицкого веяло опасностью. Вдобавок, друзья губернатора из «Потенциала», ревниво следившие за маневрами Храповицкого, нашептывали ему, что нельзя доверять тому, кто обобрал самого Громобоева, выжал его, как лимон, а потом выбросил на помойку. Все это лишь добавляло Храповицкому азарта. Он умел ждать в засаде и подкрадываться.

- Я ему давно идею подбросил на тему отдыха в Москве с девочками из нашего театра, - самодовольно объяснял мне Храповицкий. — Но он ничего не ответил, сделал вид, что мимо ушей пропустил. Я еще пару раз намекал — молчание. Уже не надеялся, решил, что надо что-то другое придумать, и вдруг он звонит сегодня прямо во время совещания и спрашивает: как насчет завтра?

— Мы летим в Москву с губернатором и телками? — я все еще не мог поверить.

— Нет, мы летим одни с телками, — поправил Храповицкий. - А губер — отдельно. Ему же нельзя светиться. Представь, мы всей веселой компанией завалимся в депутатский зал! Лисецкий в костюме, длинные девчонки в коротких юбках, ты, со своей наглой рожей, ну и я — с краюшку затесался. «Здравствуйте! Не ждали? Наливайте! И принесите еще один диван, а то мы все на одном не поместимся!» Да после такого шоу завтра же весь город будет на ушах стоять! Нет, Лисецкий отправится сам по себе, утренним рейсом; а мы вылетим в обед, чартером. Кинем вещи в отеле, девчонок в охапку, и - в кабак! Там мы с Егорушкой и встретимся. Я уже велел все заказать, включая ночной

клуб.

— А телки потом не проболтаются?

— За поездку им заплатим, предупредим. Думаю, будут молчать, во всяком случае, первое время.

— Кого берем?

— Еще не решил. Вопрос серьезный, надо подумать. А знаешь, на кого он глаз положил?

-На Васю?

-Что за дурацкие у тебя шутки! На Светку Кружилину. Помнишь ее?

Наш «Театр мод» был предметом острой зависти всего губернского бизнеса. Туда набирали привлекательных девушек, по стандартам: сто восемьдесят сантиметров роста, сорок восемь килограммов живого веса, девяносто-шестьдесят-девяносто. Их учили танцам, пластике и чему-то еще (но не тому, о чем вы подумали, это они и без нас умели). Потом они принимали участие в спонсируемых нашими фирмами областных конкурсах красоты, места на которых Храповицкий заранее определял лично. А победительницы отправлялись на всероссийские и международные турниры. Их показывали по телевизору, их фотографии печатались в гляцевых журналах. Попасть в наш театр было мечтой каждой губернской девчонки.

Руководил театром Михаил Приворотный, в прошлом профессиональный танцор, вертлявый, жеманный, длинноволосый. Несмотря на наличие у него жены, мы с Храповицким были уверены, что он - гей, во всяком случае, вокруг него вечно крутились какие-то смазливые мальчики с характерными ужимками. Вероятно, он с ними спал, в то время, как его жена спала с одним из наших директоров.

Театр обходился дорого и посторонних к нему не подпускали; это был заповедник, в котором охотился Храповицкий и его партнеры. Двух из трех своих подруг шеф заарканил именно там. Пару раз мне случалось тайком браконьерствовать на этой территории, из чистого озорства, но захватывающих впечатлений от этого у меня не сохранилось. Все-таки женщина, по моему дилетантскому мнению, должна обладать какими-то еще достоинствами, кроме умения, раскачиваясь, пройти по подиуму.

Я уж не говорю о том, что наши красавицы так походили друг на друга, что их немудрено было перепутать. Кукольные накрашенные лица, голодные глаза, длинные ноги, узкие бедра и плоская грудь. Постройте их всех в ряд и найдите между ними пять отличий. Переспал с одной – переспал со всеми. Впрочем, нет, зачеркните эту фразу как черновую. Может быть, она и верна, но звучит грубовато. Неуважительно о женщинах, как правило, высказываются те, на кого они не обращают внимания.

Свету Кружилину, задорную сероглазую блондинку с точеным чуть вздернутым носиком, придававшим ей вид независимый и вызывающий, я помнил. Не только благодаря ее внешности, но и из-за ее дерзкого характера.

Некоторое время назад она решительно отшила Васю, чего тот до сих пор не мог ей простить. Именно поэтому на последнем конкурсе красоты она заняла лишь второе место, а не первое. Храповицкий предпочел не ссориться с партнером и союзником из-за такого пустяка.

-А она не откажется? – поинтересовался я.- Девчонка с норовом.

— Не откажется! — усмехнулся он. — Я уже с ней переговорил. Хочешь посмотреть досье на нее? Мне только что принесли из службы безопасности. Оно, правда, двухмесячной давности, к тому же они не особо копали, но все-таки любопытно.

* * *

В нашу службу безопасности Храповицкий набирал сотрудников ФСБ и налоговой полиции, и конкурировать с нами в сборе информации было пустым занятием. Мы имели доступ ко всем секретным данным, но этим дело не ограничивалось. Помимо наружного наблюдения и разного рода прослушивания, практиковалась еще так называемая оперативная разработка, когда в дом интересующего человека под видом слесарей или работников Горгаза шли специально обученные агенты и в разговорах с соседями или родственниками выпытывали все, что можно. Правда, эти сведения, не всегда отличались достоверностью.

Помню, однажды на нашу интимную вечеринку я привел девушку, с которой познакомился накануне. Вообще-то внутренним уставом и Храповицким лично это было запрещено: в узкий круг допускались только проверенные, постоянные женщины. Но девушка мне ужасно понравилась, я боялся ее упустить и рискнул нарушить правила. Через три дня Храповицкий бросил мне на стол результаты оперативной разработки, в которой моя новая знакомая характеризовалась как дама сомнительного поведения, встречавшаяся с несколькими мужчинами одновременно и часто не ночевавшая дома.

Храповицкий устроил мне выволочку. Подобная особа, по его мнению, скорее всего, была проституткой, купленной и подосланной нашими врагами, которые спят и видят, как устроить нам провокацию или диверсию, вплоть до нашего физического устранения. Их расчет был на мою слабость, и я, конечно же, не устоял! Он верил мне, а я поставил под угрозу весь наш бизнес, более того, жизнь самого Храповицкого, которая, в отличие от моей имеет колоссальную общественную ценность.

Осознав глубину своего падения, понимая, что прощения мне ждать не придется даже от такого великодушного человека, как мой начальник, я решил испить чашу позора до дна. Плюнул на свой напряженный рабочий график, позвонил коварной обольстительнице, пригласил ее в ресторан и в тот же вечер с ней переспал. Представьте, прожженная проститутка, как выражался о ней Храповицкий, оказалась девственницей! Первой за последние пятнадцать лет моей беспутной жизни.

Вот это, я понимаю, диверсия! Наверное, враги надеялись, что я сбегу с ней

куда-нибудь подальше, на Мадагаскар или в Похвистнево, бросив жену и доверчивого Храповицкого. После чего недруги осуществят, наконец, свои преступные замыслы. Я не бросил. Ни жену, ни Храповицкого. Не знаю, как насчет Храповицкого, но в отношении жены я, может быть, напрасно упорствовал, потому что вскоре после этого она бросила меня сама.

Про приглянувшуюся губернатору гражданку Кружилину ничего особенно интересного я не узнал. Воспитывалась без отца, окончила среднюю школу, занималась легкой атлетикой, училась на втором курсе университета, в настоящее время проживала с бригадиром ОПГ по прозвищу Синий.

— Встречал я этого Синего, — задумчиво потер я нос, закончив чтение. — Резкий парень. Думаю, он не придет в восторг от затеи с поездкой.

— Она сказала, что решит все проблемы самостоятельно, — ответил Храповицкий. Сам он бандитов не опасался, будучи защищен от них армией вооруженной охраны, а дальнейшая судьба новой губернаторской пассии его не волновала.

— Отчаянная.

— Да, бабочка бойкая, — согласился он. — И цену себе, похоже, знает. Сразу уточнила, кто именно ее приглашает.

За это, помимо прочего, я не любил девочек из нашего театра: они всегда начинали с цены вопроса. Я никогда не торгуюсь и на женщин трачу столько, что даже Храповицкий иногда неодобрительно качает головой. Но покупать предпочитаю то, что нравится мне, а не то, на что с вожделием глазают другие.

Боюсь показаться старомодным, но меня всегда прельщали женщины, которые не продаются. Хотя именно они, в конечном счете, и оказываются самыми дорогими. Вы, разумеется, это и сами знаете, так что простите, что наступаю вам на больную мозоль.

* * *

Праздник «Потенциала» был назначен на шесть часов, я вполне успевал заскочить домой, чтобы переодеться.

Надеюсь, что, увидев меня, окружающие сразу понимают, что имеют дело с человеком тонкой душевной организации. Скучающим, чего уж там таить, в забавах мира. К сожалению, единственная моя фотография, стоявшая в кабинете, этого не отражала. Она была почти семнадцатилетней давности, и на ней я был запечатлен сразу после того, как выиграл юношеский турнир по боксу в легком весе. Бровь была рассечена, нос распух. Вампирскими губами я напряженно улыбался в камеру. При этом смотрел все еще зверски, так, будто собирался откусить фотографу ухо.

Между прочим, привычку сначала куда-то бурно устремляться, и только потом соображать, в том ли направлении я рванул, я приобрел не на житейских путях. Мне она досталась от родителей. Правда, с годами они

остепенились, но в брак вступили девятнадцати лет отроду, еще будучи студентами нашего Уральского университета, задолго до того, как поняли, к каким последствиям приводит совместное проживание. Мое появление на свет оказалось для них полной неожиданностью и, не сказать чтобы приятной. Оба отлично учились, готовились к аспирантуре и портить свое большое научное будущее из-за такой досадной ерунды, как ребенок, не входило в их планы. Меня отдали на воспитание отцовской бабушке. А сами остались жить у другой – материнской, поскольку нуждались в опеке не меньше меня, новорожденного.

Бабушка моя была старомодной интеллигентной дамой, экономистом, любила Толстого и Чехова, знала наизусть Блока, носила в сумочке кружевной носовой платок с вышитыми инициалами, никогда не употребляла бранных эпитетов и выходила из дома не иначе, как в полном параде и туфлях на каблуках. Дом, к слову, был большим, двухэтажным, в самом центре города, но на этом его достоинства заканчивались. Он достался ей в наследство от отца-инженера, был деревянным и без удобств, за исключением электрического света.

По нужде приходилось бегать во двор, воду таскать в ведрах из колонки на углу улицы, а печь топить дровами. Прежде с этим кое-как справлялся дедушка, тоже экономист, воевавший в Отечественную, но, похоже, эти хлопоты не доставляли ему радости, поскольку он умер, не дожив и до шестидесяти. Бабушке такое хозяйство было не под силу, а я по малолетству не мог оказать ей достойной помощи, и лишь громким плачем выражал протест против нашей неустроенности.

В результате бабушка решила обменять свой неуютный дом на что-то более подходящее, но, будучи совершенно непрактичной, получила за него лишь тесную «двушку» в пролетарском районе. Этот переезд во многом определил мою судьбу: я вырос в окружении дворовой шпаны, как Маугли в джунглях. Мы пропускали уроки в школе, пекли на пустырях картошку в золе, возились с карбидом, мастерили самострелы, именуемые «поджигами»; прыгали зимой с крыш сараев в сугробы, взрывали украденные на стройке заряды, гоняли в футбол, дрались, разбивали локти, колени, носы и головы.

Мои разорванные штаны, перепачканные рубашки и не успевавшие заживать ссадины, в сочетании с плохой успеваемостью в школе, очень огорчали бабушку. Она плакала и просила родителей забрать меня, жалуясь на то, что она со мной не справляется, и уверяя, что если так будет продолжаться, то я плохо закончу. Я, между прочим, не считал, что иду к плохому концу; у бабушки мне было вольготно и весело, что ж тут плохого?

Так или иначе, но мои родители отнюдь не горели желанием заняться моим воспитанием. Они к этому времени закончили аспирантуру и защитили кандидатские диссертации, но квартирный вопрос у них все еще оставался нерешенным. Они по-прежнему проживали у маминых родителей, им и без

меня было тесно. К тому же я мог испортить младшего брата, которым они успели обзавестись в перерыве между научными студиями,- толстяка, ябеду и плаксу, на которого они возлагали надежды: в отличие от меня, он учился на «отлично».

* * *

Сказать по правде, вкусы и увлечения своих товарищей я разделял не вполне. Они не любили книг, а я читал запоем, благо у бабушки была большая библиотека. Я не считал классной шуткой залететь в автобус, испортить воздух и выскочить на следующей остановке, - должно быть, мне не хватало чувства юмора. Я не надувал лягушек через соломинку, чтобы пустить их потом, беспомощных, по воде, обрекая на гибель; мне не нравилось кодлой нападать на пьяных с целью грабежа, и я не отнимал гривенники у малышни. Короче, между мной и моим окружением порой возникали существенные разногласия.

Не желая их усугублять, я по возможности, скрывал свою непохожесть, и когда бабушка пожелала отдать меня в музыкальную школу, я отказался. Вместо этого я, по примеру своих приятелей, записался на бокс и следующие семь лет провел, колотя по мешкам и чужим физиономиям и возвращаясь домой в синяках.

Те, кто полагают, что бокс – это спорт смелых, решительных парней, которые наступают на противника с гордо поднятой головой и распахнутой настежь грудью, наподобие той сисястой тетки с агитплаката Делакруа, глубоко заблуждаются. Бокс – это хитрость, сноровка выносливость и непременно - подловатость. Нырнул, уклонился, подсел, дернул, обманул, дал –дал-дал, ушел. Пока, братан, увидимся на следующей неделе!

Я не был отчаянным рубакой, способным выключить противнику свет одним ударом, и не всегда успевал отскочить от летевшей плюхи, короче, я не обладал качествами, необходимыми для того, чтобы стать звездой. Но турниры мне удавалось иногда выигрывать, в основном, в силу природной обидчивости. Мне не нравится, когда меня бьют по лицу. Мне чудится в этом недостаток уважения. Я завожусь, жажду реванша и не успокаиваюсь, пока его не получу.

Школу я окончил с тройками по всем точным наукам, но с пятерками по гуманитарным, и даже с похвальной грамотой по литературе. Мой средний балл получился «четыре», с таким принимали в строительный техникум и институт железнодорожного транспорта. Ни туда, ни туда меня не тянуло.

Мои родители уже стали доцентами; папа преподавал в университете биологию, а мама – в педагогическом английском. Они считали, что я позорю фамилию, однако были готовы в очередной раз проявить великодушие и оказать мне помощь при поступлении, но с непременным условием: впредь я отказываюсь от своих дурных привычек и обещаю делать лишь то, что они мне скажут. Иного выхода они в сложившейся ситуации не видели, если, конечно,

я не собирался умереть под забором.

Я ответил, что лучше уж я умру под забором, чем начну жить по их правилам. Как бы нечаянно пролив чай на любимую мамину скатерть, дав в коридоре подзатыльник ябеде и плаксе, злорадно слушавшему, как меня отчитывают, я отбыл под его завывания и кудахтанье мамы. Через три недели я уехал в Питер, который тогда был Ленинградом.

* * *

В Ленинград я отправился осознанно. Впервые я побывал там в седьмом классе – нас организовано возили в город на Неве на школьных каникулах. И влюбился в него прямо на вокзале, едва выйдя из поезда и услышав, что нумерация вагонов здесь идет не с «головы» или «хвоста», как во всей стране, а «со стороны Москвы» или «со стороны Ленинграда». Москва при этом как-то сама собой неизменно оказывалась в хвосте.

Питер славен итальянской архитектурой, столь непривычной для России, ужасным английским климатом и державным местом в нашей культуре. Статус культурной столицы он подтверждал в том числе и своим отношением к боксерам. В ЛГУ их принимали вне конкурса, причем, не на какую-нибудь зачуханную химико-ботанику, на которую шли зануды, вроде моего папы, и не на факультет дошкольного воспитания умственно отсталых детей, уважаемый моей мамой, а на самую что ни на есть философию. Философию! Мастерам спорта даже давали повышенную стипендию.

Походя, замечу, что именно благодаря этому научному подходу мы и можем гордиться отечественной философией. Двое выпускников философского факультета ЛГУ без труда навалиют по шее двум, даже трем десяткам гнилых западных философов, если те, конечно, вообще решатся сунуться.

Увы, встать в одну шеренгу с Чаадаевым, Бердяевым, Флоренским и Попенченко (Примечание. Владимир Попенченко - выдающийся советский боксер, чемпион Олимпийский игр, мира, Европы. Единственный советский боксер – обладатель Кубка Вэла Баркера) мне не было суждено. В тот год боксеры валили в ЛГУ косяком, на философию в первую очередь брали солидник: тяжей, полутяжей, желателно, мастеров спорта. Мне не хватало килограммов тридцать, к тому же, я был только КМС, короче, проходил по остаточному принципу. Но мне все-таки предложили журналистику. Для меня, легкого не только по весу, но и на подъем, это звучало даже заманчивее, чем философия. Я подал документы, был принят и не пожалел.

Журналистика на годы стала моим призванием. Мне нравилось мотаться по заданиям редакций – я сотрудничал сразу с несколькими – нравилось общаться с людьми, нравилось раскапывать интересные факты, писать репортажи, фельетоны и проблемные статьи и, чего уж там скрывать, нравилось читать их в газете.

А вот спорту я изменил, повесил перчатки на гвоздь, как выражаются боксеры. За эти годы бокс мне страшно надоел, к тому же тренировки отнимали слишком много времени, а мне хотелось читать, бродить по улицам, сочинять неуклюжие стихи, которые порой мне удавалось тиснуть под псевдонимом. В конце концов, влюбляться... Вы пробовали когда-нибудь влюбляться в красивом городе? Обязательно попробуйте, это бывает незабываемо. Только не рассказывайте об этом вашей жене, она может не оценить.

В деканате мой поступок сочли предательством. На меня надеялись, я им обещал... Декан поклялся меня отчислить, но я не дал ему такого шанса. Я хорошо учился, не так, конечно, как плакса и ябеда, но почти. Я получал стипендию, в некоторые семестры - даже повышенную, плюс регулярные гонорары от публикаций, - в результате я мало зависел от тех 18 рублей, которые мне ежемесячно присылал мой щедрый папа, присовокупляя к ним длиннющие нотации.

К концу пятого курса у меня были предложения от двух крупных ленинградских газет. Я был бы счастлив начать полноценную репортерскую работу в любой из них, но требовалось уладить вопрос с ленинградской пропиской, которая у меня, разумеется отсутствовала. Самым простым способом был фиктивный брак; список фиктивных невест с фиксированными ценами ходил по рукам выпускников ленинградских вузов. Но этот вариант был не для меня. Дело в том, что я к тому времени уже был женат, и моя молодая жена ждала ребенка.

Я познакомился с ней после третьего курса, когда приезжал на каникулы в Уральск; она училась там в университете на филологии. Высокая, стройная, прямая и одновременно гибкая; с длинными каштановыми волосами и ахматовской челкой, она производила впечатление романтической барышни из Серебряного века. Ахматову она знала наизусть, подражала ей в многозначительной молчаливости, царственной походке и в том, что могла согнуться пополам в любую сторону. Она читала мне размеренно, с затаенным надрывом про то, как за ней идет беда, не прямо и косо, а в никуда и в никогда, как поезда с откоса. Стихи казались мне трагическими, а будущая жена - хрупкой и уязвимой. Я боялся, что беда все-таки ее настигнет, и был полон решимости ее защитить. Я предложил ей выйти за меня замуж, и она согласилась.

В ту пору я плохо знал Ахматову, да и женщин вообще, иначе я бы сообразил, что если женщина дожила до преклонного возраста, благополучно пережив четырех мужей и десяток любовников, растолстела до размеров хорошо упитанного бегемота, получила кучу наград, дач и квартир, то судьба, может статься, гонялась за ней не столь уж свирепо, как она о том рассказывала.

* * *

Вернувшись в Уральск, я успел немного поработать в молодежной газете, но тут в стране наступили перемены, и я, не бросая журналистики, освоил еще и тему частного предпринимательства. Закона об авторских правах тогда еще в России не существовало, точнее, он был, но никто его не соблюдал. И вот, никого не спрашивая и никому ничего не платя, взялся за издание детективов, прежде у нас не публиковавшихся. Моя жена и ее подруги переводили книги с английского, а я печатал их на дешевой бумаге. Подбор авторов был случайным: в ход шло то, что удавалось раздобыть в букинистических магазинах, на книжных развалах и у знакомых, но деньги это приносило, хотя и не очень большие.

Вскоре я открыл собственный еженедельник, разоблачавший сильных мира сего. Я подобрал команду молодых дерзких журналистов, сам трудился, не покладая рук, - наши тиражи неуклонно ползли вверх. Через год мы стали самым читаемым изданием области и в дополнение к еженедельнику я начал выпускать и ежедневную газету.

Писать правду о власть имущих — занятие, безусловно, увлекательное, но отнюдь не небезопасное. Храповицкий и его партнеры, заполучившие в свои руки огромную нефтяную компанию, были героями нескольких моих расследований, что Храповицкому не нравилось. Он подал на меня в суд и проиграл. О чем мои издания со злорадством не преминули сообщить читателям.

Через неделю меня подкараулили в подъезде несколько человек и избili кастетами. Неделю я не мог подняться, и жена, глядя на мою распухшую неузнаваемую физиономию, плакала и просила бросить это занятие, хотя бы ради нее и ребенка. Я не бросил. На нападение я ответил статьей с выразительным названием «Мародеры», в которых подробно живописал хищническую деятельность Храповицкого и его компаньонов.

Едва я поправился, Храповицкий появился в моей редакции. Сам. В белом шелковом кашне поверх белой дубленки, смотревшемся довольно глупо, и в окружении семи человек охраны, что смотрелось еще глупее. Не то чтобы он меня боялся, просто без охраны он не входил даже в туалет.

Разговор начался нелицеприятно, со взаимных претензий, а закончился на принадлежавшей ему турбазе с девочками. В России настоящая мужская дружба часто начинается с драки. В целом мы друг другу понравились, у нас было нечто общее, я имею в виду, кроме тех девочек.

Утром он предложил мне за мои издания шестьсот тысяч долларов и место своего заместителя по связям с общественностью с ежемесячным окладом в двадцать пять тысяч не русских рублей, плюс пять тысяч премии, если у него не возникнет ко мне нареканий. Я не стал ломаться. Я согласился бы и на четыреста, - таких денег я в глаза не видел.

Предполагалось, что я буду отвечать в первую очередь за средства массовой

информации, однако вскоре сфера моей деятельности значительно расширилась. Я встречался с чиновниками, участвовал вместе с Храповицким в переговорах, давал взятки, готовил сделки, одним словом, выполнял все то, что он в силу разных причин не желал поручать партнерам и до чего у него самого не доходили руки.

Судя по премиям, регулярно мною получаемым, я справлялся. Он даже терпел мое своеволие, правда, до известных пределов. Теперь я и сам ездил с охраной и перебрался из своей прежней квартиры в дом за городом. Родители, начав получать от меня ежемесячные дотации, перестали считать меня позором семьи и стали приглашать на семейные обеды, на которых плакса и ябеда, все еще живший с ними, сидел мрачнее тучи - в виду утраты звания любимого сына. Папа и мама даже ставили меня ему в пример.

Да, да, я знаю все, что вы скажете по этому поводу: я изменил идеалам, продался капиталу, встал на сторону зла. Вы абсолютно правы, именно так я и поступил. И нет, я не стану оправдываться. Я предупреждал, что я хуже, чем обо мне думают.

* * *

В доме я жил один. Примерно год назад моя некогда романтическая жена, набравшая за последнее время несколько лишних килограммов, отчасти, за счет купленных мною ювелирных украшений, вдруг сообщила, что нам нужно поговорить. Такое начало не предвещало ничего хорошего, с учетом того, что в последнее время большинство наших разговоров сводилось к теме моего несовершенства. Однако, дело было в субботу, у меня оставалась еще пара часов до производственного совещания, назначенного на нашей турбазе в расширенном составе с участием лиц противоположного пола, так что я не стал уклоняться. И вполне доброжелательно поинтересовался, что у нее случилось, не разбила ли она опять свою машину, что надо отметить, она проделывала с завидной регулярностью.

Но нет, оказалось, что на сей раз дело не в машине. А в том, что она устала от моего образа жизни. Ей надоело выслушивать от знакомых истории про мои похождения. Она долго терпела. Никому не жаловалась, даже маме. Хотя мама давно уже ей советовала развестись, хотя бы ради ребенка, думать о котором у меня нет ни времени, ни желания. Ему нужен отец, который станет о нем заботиться, а не пропадать неизвестно где целыми днями и ночами... Впрочем, известно, и даже слишком хорошо, но она не станет в это вдаваться. Она желает, чтобы, когда мальчик вырос и обзавелся собственной семьей, он помнил о женщине, которая рядом, а не заставлял ее страдать так, как страдает она. Короче, она встретила другого человека, хотя и не искала. Военного. Майора. Так получилось. Он очень ее любит и будет о ней заботиться. И о нашем сыне, кстати, тоже. Его переводят в Подмосковье, и она

решила ехать с ним. У него, конечно, нет моих денег, но деньгами счастье не купишь. Тем более, что она все еще верит в мою порядочность, хотя, может быть, и напрасно. И надеется, что у меня хватит совести обеспечить будущее собственного ребенка и женщины, которая отдала мне лучшие годы своей жизни. Она не претендует на многое, ей вполне достаточно половины имущества. Хотя юрист, с которым она консультировалась по поводу развода, уверял ее, что, если она обратится в суд и поведает о том, что ей довелось вынести за эти годы... Но она не собирается устраивать публичный скандал и бегать по газетам, раздавая интервью, как поступают некоторые женщины, желая урвать побольше. Она полагает, что мы разведемся спокойно, как и подобает интеллигентным людям, и останемся друзьями. Я должен ее понять. Она тоже человек, и ей тоже нужна капля тепла.

Это был не просто удар - нокаун. Я устоял, но в ушах зашумело, а в глазах поплыли круги. Наша семейная жизнь, разумеется, не была безоблачной, но в ней были свои яркие моменты. В том числе и при выключенном свете, если вы понимаете... Мне казалось, что ей бывало хорошо со мной не только когда я дарил ей подарки...

Изо всех сил сдерживаясь, слегка задыхаясь от волнения, стараясь не срываться на ненормативную лексику, я ответил, что сожалею, о том, что был причиной ее многолетних страданий. О которых я не догадывался, ибо полагал, что страдающие люди лечат душевные раны иначе, чем она, не бегая еженедельно к косметологу и не скупая ворохами модные тряпки по безумным ценам. Хотя от женщины, любящей Ахматову, мне следовало ожидать именно этого. Поскольку частушки, вроде «Я на правую руку надела Перчатку с левой руки» или «Я узкую юбку надела, Чтоб казаться еще стройней», свидетельствуют о готовности бесконечно крутиться возле зеркала.

Но я не собираюсь ее укорять или удерживать. Зачем? Я все понимаю. Что она устала колотить купленные мною тачки и ей хочется хоть раз в жизни прокатиться в общественном транспорте. Например, в трамвае. Хотя бы для того, чтобы понять, чем трамвай отличается от троллейбуса. Что майоры тоже люди и тоже хотят любить. Чужих жен. Особенно моих. И чем меньше у них денег, тем сильнее у них это желание. Хотя дело, разумеется, не в деньгах. И не в том, что если ей нужно тепла, то она могла бы купить обогреватель, вместо того, чтобы давать где-то на холоде под елочкой какому-то провонявшему гуталином козлу. Возможно, именно так и поступают интеллигентные женщины, поклонницы Ахматовой, но моя мама ничего мне об этом не говорила. И уж раз мы заговорили о мамах, то ее мама, прежде, чем открывать рот и давать ей свои дурацкие советы, в которых никто не нуждается, могла бы вспомнить, кто заплатил за ремонт в ее квартире, за ее вставные зубы и на чьей машине она летом каждый день катается на свой огород, пышно именуемый дачей.

Что же касается моего сына, то моя забота выражается в том, что я обеспечиваю ему репетиторов и индивидуальных инструкторов, чего, на мой взгляд, в настоящее время, ему вполне достаточно. А если я не обучаю его маршировать строем и орать «ура», вместо того чтобы вежливо здороваться, то лишь потому, что меня в отличие от иных майоров, не похищала в детстве шайка разнузданных педерастов и не била по голове половником с целью лишиться остатков соображения.

Я очень благодарен ей за все эти годы. Разумеется, я воздержусь от скандалов. У нее есть полное право поступать так, как она считает нужным. И уходить хоть к прапорщику. Хоть к двум прапорщикам и сержанту. Моя охрана не будет совать этого недоношенного крокодила в канализацию, хотя бы по той причине, что я не желаю, дабы в моем унитазе плавала майорская фуражка. Я эстетически не подготовлен к подобному зрелищу.

И, да, конечно, я обеспечу и ребенка и ее, тем более, что ее новый избранник не в состоянии обеспечить их даже соленым огурцом, который он носит в кобуре вместо пистолета, чтобы закусывать самогон, ибо на водку ему не хватает. Но этот соленый огурец я при встрече все же засуну ему в то место, которое заменяет ему голову.

В общем, мы разошлись. Вполне мирно. Я позволил ей выгрести все деньги из сейфа и с наших общих счетов. А моя охрана сложила в два грузовика то самое необходимое, что ей требовалось взять с собой в новую жизнь.

Мне остался полупустой дом, три одинаковых тома Ахматовой, наверное, подаренных подругами, возможно, теми самыми, которые рассказывали ей о моих похождениях, и романтические воспоминания. Храповицкий, узнав о случившемся, предложил мне неделю отпуска и сотню тысяч долларов в счет моей зарплаты, что с его стороны было весьма великодушно. А Гоша заметил, что ничто так не укрепляет семейные отношения, как своевременный развод.

Сын приезжал ко мне четыре раза в год, на каникулы. И я ежемесячно высылал его матери сумму, превосходящую годовую зарплату ее мужа. Теперь уже не меня.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

* * *

Публичное прославление «Потенциала» было назначено в филармонии, которую лишь несколько месяцев назад капитально отремонтировали и торжественно открыли. Я нарочно опоздал на полчаса, чтобы не топтаться в предбаннике без дела, потягивая дешевое шампанское и перебрасываясь пустыми фразами со знакомыми и их женами. Но, как оказалось, все равно приехал слишком рано. Губернатор, как обычно, задерживался, без него не начинали. Бомонд роился в огромном белом холле, с колоннами и

мраморным полом: политики, бизнесмены, бандиты,- в общем, те, кого местная пресса почтительно именовала элитой.

В центре, сияя лысиной и фальшивой улыбкой, в смокинге, слишком длинном в рукавах и не сходявшемся на объемном животе, красовался управляющий «Потенциала», Ефим Гозданкер, пятидесятилетний, обрюзгший, с бегающими черными глазами и толстыми вечно мокрыми губами. Недостаток растительности на голове он восполнял неряшливой бородой, гармонии, впрочем, не получалось.

Приглашенные сначала подходили к нему с поздравлениями, а потом уже разбредались по группкам. Еще шесть лет назад Ефим был никому не известным старшим научным сотрудником в каком-то богом забытом институте. С наступлением новых времен он двинулся в кооперацию, арендовал подвал, и принялся разводить там шампиньоны, которые, по его мнению, должны были пользоваться повышенным спросом у населения. Мнение его, возможно, и основывалось на научных изысканиях, однако практикой не подтвердилось: шампиньоны не пошли. Наш народ, не привыкший к кулинарным изыскам, упорно предпочитал картошку с огорода и помидоры с дачи.

Но тут его старинный друг по преферансу, Егор Лисецкий, в прошлом - тоже научный сотрудник, вдруг сделался губернатором. И в бизнесе обоих экспериментаторов-любителей сразу начались счастливые перемены. Они на пару купили маленький запутавшийся в долгах банчок, быстро накачали его бюджетными деньгами и обязали все предприятия области кредитоваться и хранить деньги только в нем.

У Ефима было много родственников. Одного из них он пристроил вице-губернатором по финансам, другого назначил специальным представителем в Москве, поручив ему устраивать встречи губернатора с нужными людьми в Кремле и правительстве. Остальные возглавляли дюжину частных структур, получавших большие кредиты из областного бюджета, само собой, невозвратные. Теперь Ефим был одним из самых богатых и влиятельных людей области, финансовым партнером губернатора, его ближайшим советником, вершителем губернских судеб. Без него не проходило ни одно серьезное кадровое назначение, не подписывалось ни одно важное постановление. Приглашение к нему считалось высокой честью.

Я принадлежал к другому клану, еще не столь сильному, как Гозданкеры, но хищному и изобретательному. Нам с ними в одной губернии, пусть и обширной, становилось уже тесновато. И мы, и они понимали, что рано или поздно кому-то придется уступить свое место под солнцем, и его займет победитель. Обе стороны исподволь готовились к решающей схватке.

Тем не менее, я поздравил Ефима, расцеловался с ним столь же крепко, сколь неискренне, едва не поперхнулся от его душного одеколona и направился к стайке силовиков. Здесь был прокурор области, начальник

областного УВД, начальник ФСБ и начальник налоговой полиции. Все четверо были в штатском, но руки привычно держали по швам и слегка выкатывали грудь. Рядом с ними, с любопытством озираясь и неловко улыбаясь, негромко переговаривались между собой их толстенные простушки жены.

На мероприятиях, устраиваемых бизнесменами, силовики всегда держались поодаль, чувствуя себя не вполне в своей тарелке. Клан Гозданкеров они вообще недолюбливали. В силу своей близости к губернатору Ефим и его родственники оказывались вне юрисдикции органов и получать с них законную мзду не представлялось возможным. К тому же сказывалось и недоверие к евреям, унаследованное генералами еще с советских времен. Открыто они, конечно, этого не проявляли, поскольку их назначения зависели от губернатора, а губернатор и Ефим Гозданкер были, в сущности, двуглавым орлом, ну, или каким-то другим двуглавым зверем, малоизученным в фауне, алчным до денег. Приглушенный генеральский ропот до меня, однако, не раз доносился.

К нам они относились несколько теплее. Не потому, что фамилия Храповицкий ласкала их русский слух - они даже не догадывались об ее семантике, считая, наверное, столь же еврейской, как и Гозданкер, - а потому, что мы им платили. Гозданкеры их назначали, а мы их перекупали.

Я поздоровался с ними и расцеловался с их женами.

— Видал, как Ефим-то развернулся, — чуть наклоняясь ко мне и кивая в сторону Гозданкера, блеснул золотыми зубами начальник УВД. — То в подвале сидел, а нынче в филармонии празднует!

— Не надо бы, конечно, так демонстрировать свое богатство, — осуждающе заметил начальник ФСБ, с худым испитым лицом. — Скромнее надо быть.

Сам он действительно держался в тени. Так ему удобнее было получать деньги за «крышу» с крупных предприятий и приторговывать информацией.

-Ну, вообще-то эту филармонию они же и отремонтировали,- благодушно заступился за Ефима прокурор и провел из стороны в сторону шеей в тщетной попытке ослабить тесноватый воротник рубашки. Расстегнуть его он не решался до появления губернатора. — Вот и отмечают здесь. А где еще? Не в подвале же.

Силовики засмеялись.

Прокурор готовился к заслуженной пенсии. Он захватил несколько крупных строительных участков в хороших местах для зятя-коммерсанта, прикрутил частный бизнес в одном из небольших городов нашей губернии, где заместителем мэра сидел его родной племянник, и удвоил поборы с обвиняемых. Теперь каждый вычеркнутый из приговора год стоил от пяти до десяти тысяч долларов, в зависимости от тяжести обвинения. Но на людях он никогда не выказывал свирепости, был добродушен и даже иногда по-приятельски выговаривал начальнику УВД, который, не зная удержку в своих аппетитах, часто лез напролом.

-Так не на свои же ремонтировали, а на государственные, – хмыкнул начальник УВД.

-Какая разница – на чьи? – встряла его жена. – Главное, чтоб были! А то некоторые вон дочери второй год квартиру не могут купить.

-Если каждый год ей новые квартиры покупать, то никаких средств не напасешься! – осадил ее генерал. – И запомни: главное не в том, чтоб карманы набить, а чтоб потом за это в камере не оказаться! Ясно?

-Да ясно, ясно! Мне давно уж все ясно,- проворчала жена.

Остальные силовики одобрительно закивали. В глубине души они считали, что камера – самое подходящее место для большинства здесь собравшихся: и для Гозданкеров и для Храповицких, а может, и еще для кое-кого, повыше. Собравшиеся, со своей стороны, полагали, что генералы и сами в ней будут смотреться весьма органично.

Меня генералы знали еще с журналистских времен, когда сливали мне информацию. Они меня не стеснялись, я был для них почти что свой: работал на олигарха, но сам не воровал, ввиду отсутствия у меня таких возможностей. Три года общего режима, от силы пять.

Мне они тоже нравились. Я любил их манеру выражаться. Слово офицера. Честь мундира. Родина дала приказ. Дай бог им крепкого здоровья, а их наглючим сыновьям - богатых невест, порядочных и беременных.

* * *

В провинции на праздники наряжаются так, что лучше бы приходили в домашних халатах: и меньше бы оскорбляли чужое чувство приличия, и не столь заметны были бы последствия постоянного переедания. Не знаю, чем руководствуются толстые тетки за сорок, напяливая на свои обвисшие тела короткие открытые платья в обтяжку. Возможно, кто-то внушил им, что выпирающий живот, необхватный зад и бока в складку выглядят очень сексуально. Допускаю, что их немолодые мужья сильно возбуждаются от данного зрелища и поэтому надевают к темным костюмам светлые спортивные туфли и белые носки. Но лично мне не кажутся аппетитными даже белые лосины на окороках их откормленных дочек. Я не любитель сала ни в еде, ни в постели.

Впрочем, не обращайтесь внимания на мое ворчание. После ухода жены я бываю излишне придиричив, так, во всяком случае, уверяет Гоша, у которого я дважды потребовал счет из автосервиса за ремонт машины, вместо того, чтобы просто выдать наличные, как поступал прежде. Чтобы закончить с темой бальных нарядов, замечу, что пристойнее других смотрятся бандиты, которым галстуки и другие вольности не положены по уголовному этикету, и потому они носят джинсы, черные пиджаки и черные водолазки.

Вольность губернской моды давала мне, однако, одно важное

преимущество. Не питая любви к официальным мероприятиям, но и не желая вовсе пренебрегать протоколом, я время от времени проделывал один спасительный трюк. Выбрав какой-нибудь экстравагантный пиджак, запоминающегося цвета, и приехав минут на пятнадцать пораньше, я расхаживал в фойе, обнимаясь со всеми подряд и обмениваясь любезностями.

Когда же толпа по звонку устремлялась в зал, Гоша подгонял мне машину к крыльцу, я незаметно выбирался и уезжал. Все помнили, что я был и, наверное, где-то по-прежнему есть. Ну не может же такой яркий мужчина просто взять и куда-то исчезнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Продолжение книги доступно на Литрес:

https://www.litres.ru/73438278/?lfrom=1133994487&ref_offer=1&ref_key=470244d61a92cf86d8840d4374d2fc364079e44fb283d03affc411cd5f0e0654